

Сергей Евгеньевич Алтынов

Крылатая гвардия

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174714
Крылатая гвардия : Эксмо; М.: 2008
ISBN 978-5-699-28850-2*

Аннотация

Капитан-десантник Игорь Зимин, по прозвищу Гвардеец, приключений не ищет – они находят его сами. На этот раз в образе очень симпатичной девушки Тани Степановой, в руках которой взрывной компромат на чинов из верхушки ФСБ и МВД. Естественно, что девушку, а заодно и тех, кто рядом с ней, хотят стереть с лица земли. А рядом с ней – Гвардеец с его нехилым боевым опытом. Он не дает девушку в обиду. Но волкодавам спецслужб удастся скрутить лихого десантника. Они и не подозревают, что он опасен всегда. Даже в беспомощном состоянии...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	9
(Игорь Зимин)	9
Женщина в белом	14
Неожиданный захват	17
Задушевные беседы	23
Попутчица Татьяна	25
Снова задушевные беседы	28
Обыкновенная история	31
Замах рублевый	34
Разведка боем	35
Парламентер	39
Время рубить концы	45
Первый огневой контакт	47
Круто каша заварилась...	51
Митрич и Будулай	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Сергей Алтынов

Крылатая гвардия

*Утро вечера мудренее... Но только при одном условии: если
дожить до утра.
Дон Аминадо*

Пролог

...За последние пять лет он, пожалуй, впервые надел все награды. Вначале он даже примерил парадную форму, однако, увидев свое изображение в зеркале, счел это неуместным. Задуманное им превратилось бы в фарс. Поэтому форма одежды осталась повседневной. Аккуратно распределив на груди медали и орден Красной Звезды, он снова замер у зеркала. «Дурак дураком», – обозвал он себя. Попытался улыбнуться, но вышла злая, некрасивая гримаса.

– Старый кретин, – уже вслух произнес он, двинувшись в дальнюю комнату.

Никто с ним не спорил и не возражал – жены и дочери не было дома, да и вряд ли они могли бы остановить его. Решение принято им давно.

Открыв несгораемый сейф, стоявший в углу на допотопной тумбочке, он извлек на свет божий пистолет «ТТ» и две противотанковые гранаты...

С утра моросил дождь, а к полудню выглянуло солнце и начали просыхать лужи. Он шел привычным маршрутом, и тем не менее улица казалась ему совершенно иной. Примерно такой, как улица Лермонтова в Грозном, рядом с больничным комплексом, где несколько лет назад он, еще пятеро офицеров и две дюжины необученных пацанов-срочников оказались в окружении. Тогда он сумел не только прорваться и победить, но и уцелеть. Сегодня вряд ли... И все же он не замедлял шага. Выбора не было...

Он не знал, что за ним внимательно наблюдала не одна пара глаз.

Миновав промтоварный магазин, он приблизился к железным воротам, выкрашенным в ярко-зеленый цвет, с двумя огромными красными звездами в центре каждой створки. КПП он минует без проблем, главное – дальше. Подняться на третий этаж... Застать генерала одного... Впрочем, даже если он будет не один, назад пути нет. Ничего...

У КПП топтались двое молодых людей в штатском. Один из них курил; они негромко переговаривались, но, увидев его, насторожились и напряглись. Это было почти незаметно, но двадцать лет службы и пятнадцатилетний боевой опыт научили его в таких ситуациях безошибочно понимать каждый жест, любое движение. Эти ребята ждали его. Степнов чуть замедлил шаг и как бы случайно обернулся. Оценить расстановку сил... Сделал он это вовремя – сзади к нему приближались еще трое. Двое незнакомых мордovorотов в кожаных куртках и военный с погонами капитана. Последний был хорошо знаком ему, просто до омерзения хорошо. Офицер (если это дерьмо можно так назвать) был оперуполномоченным особого отдела ФСБ воинской части Кукшиным, и его появление не сулило новогодних подарков. «Подарки» капитана были иного рода. Степнов кожей ощутил «ТТ» в правом кармане куртки, гранаты – в боковом, оружие просилось в руки. Тем не менее он оставался спокоен, расслаблен, лишь слегка замедлил шаг. Ситуация была просчитана автоматически, почти подсознательно, решение пришло почти мгновенно. Ребята в штатском и особист быстро и грамотно окружили его, отрезав все, как им казалось, пути к прорыву или отступлению.

– Степнов Андрей Константинович? – начал особист.

– Нет, Буденный Семен Михалыч, – в тон Кукшину ответил Степнов. Голос звучал с вызовом, но спокойно, как у поддатого взводного, задержанного комендантским патрулем в пьяной драке на танцплощадке.

– Выньте руки из карманов! – уже совершенно другим тоном визгливо приказал особист.

– Да пожалуйста! – Руки майор вынимал не торопясь, как и полагается в подобных случаях.

Видимо, обескураженные его спокойствием и покладистостью, штатские мордовороты не торопились переходить к действию. Или ждали команды Кукшина. Они явно расслабились, забыв, что в подобных случаях именно руки – самое страшное оружие. Тем более руки гвардии майора ВДВ Степнова. Они были далеко не профессионалы, как и их командир Кукшин, и мерили окружающих на свой аршин.

– Что смотрите?! – Этот визг особиста уже относился к подчиненным. – Обыскать! – Сам же Кукшин предусмотрительно сделал пару шагов назад. Ну просто не хотел мешать подчиненным делать свое дело...

«Ну все! Теперь вперед!» – скомандовал себе майор, как только руки стоявшего сзади мордоворота опустились на плечи, а двое других подошли вплотную – сбоку и спереди. Майор резко нырнул корпусом вперед и вниз, посылая правый каблук в промежность стоявшего за его спиной бугая, и тут же услышал почти в самое ухо его звериный вой. Обратным махом той же ноги подсек под голень молодца, находившегося сбоку, послав его, как кеглю, в высыхающую лужу, а третьего надолго согнул пушечным прямым правой в печень, отработанным еще в боксерской секции Казанского суворовского. Очень ему хотелось достать и Кукшина, однако серьезной опасности эта гниль сейчас не представляла (пятившийся особист нервно теребил кобуру под полый офицерского плаща, пытаясь обнажить ствол), и майор пока забыл о его существовании. Стрелять Кукшин все равно не решится. Пропустив неплохо поставленный удар в голову четвертого нападающего, Степнов устоял и ответил крюком в челюсть. Парень, видно, был тренирован лучше остальных и рухнул не сразу, майор помог ему, резко ткнув носком армейского ботинка под колено. Техник скоростного боя майор владел виртуозно. Не снижая темпа импровизации, Степнов выхватил «ТТ», прыгнул назад и оказался за спиной уже приходящего в себя бугая, схлопотавшего тяжелый тычок пяткой армейского грязеда по мошонке. Схватив мычащего, скорченного детину за волосы и поддав коленом в тугой зад, майор разогнул его и втиснул ствол пистолета в стриженный затылок.

– Всем лежать! – Хриплый голос майора хлестнул по ушам негромко, но страшно. Ребята, впрочем, и не торопились подниматься – сеанс рукопашного боя майора Степнова произвел должное впечатление. Кукшин перестал пятиться, упершись в фасад промтоварного магазина, вытащить оружие он так и не решился. Легко подхватив многокилограммовую тушу, майор Степнов двинулся на КПП, охраняемый парой солдатиков-срочников и вечно сонным упитанным прапорщиком.

– Лежать! – Майор подал команду так, что солдатские ноги-руки выполнили ее молниеносно.

Солдаты и прапорщик легли, где стояли. Прикрываясь живым щитом в лице неудачливого кукшинского помощника, Степнов оказался на территории воинской части, еще совсем недавно бывшей для него вторым домом.

А в эти мгновения особист дрожащими пальцами жал на кнопки мобильного телефона.

– Ну? – раздалось наконец в мобильнике. Голос был низкий, с интонацией хозяина, не привыкшего к возражениям.

– Степнов прорвался на территорию...

– Знаю, – перебил собеседника хозяйский голос. – Уже слышу... Ты, недоумок, сейчас мотай отсюда... И подальше! С тобой потом разберемся...

– Но Степнов... Он вооружен! И очень... – Кукшин медленно приходил в себя. Угроза его жизни и здоровью, кажется, миновала.

– С ним разберемся сами, – оборвал его причитания хозяин.

Минуты через три в горотдел внутренних дел поступило сообщение: на территорию в/ч №... проник вооруженный террорист, одиночка, отставной майор ВДВ. В настоящий момент, прикрываясь заложником, террорист укрылся в одном из подсобных помещений в/ч. По имеющимся данным, вооружен пистолетом «ТТ» с несколькими боекомплектными и, возможно, имеет взрывное устройство – одно или несколько, скорее всего штатные боевые гранаты.

– Дела... – Заместитель начальника горотдела, дежуривший в этот день, был наслышан о своеобразных порядках в этой воинской части: дезертирства солдат с оружием случались неоднократно, иные кончались перестрелкой, но чтобы майор, да с гранатами... Вполголоса оценив ситуацию универсальным трехэтажным словосочетанием, дежурный соединился с базой местного СОБРа.

– Дежурное отделение! Срочно на выезд! Снаряжение в режиме ПВ¹! Захват заложников на территории в/ч №... террорист вооружен...

...Через пятнадцать минут автобус с бойцами спецотряда быстрого реагирования въехал на территорию воинской части.

...– Степнов! Сдавайтесь! Выбросьте оружие через дверь и выходите с поднятыми руками!

Майор узнал голос командира СОБРа. В марте 1995-го при штурме одного из чеченских сел, ставшего боевой базой дудаевцев, была сформирована специальная офицерская рота. В нее входили исключительно добровольцы, пацанов-срочников решено было не трогать. Помимо офицеров ВДВ и морской пехоты, в особой роте оказались несколько мужиков из СОБРа и ОМОНа. До этого Степнов, как и другие гвардейцы-десантники, не жаловал ментовские сводные отряды, всегда идущие в кильватере армейских частей, однако теперь майор проникся уважением к «серому спецназу»... Одним из таких добровольцев и был нынешний командир СОБРа, чей голос призывал майора Степнова сию же минуту выходить с поднятыми руками.

– Нет! Этого не будет!

Узенькая щель в дощатой стене не позволяла майору видеть весь театр боевых действий, однако он узрел два силуэта в пятнистой форме, метнувшихся к дверям. Спецназ уже здесь. Это не недоумки Кукшина, а волкодавы-профессионалы. Майор поудобней улегся между столом и стареньким трюмо, взял под прицел дверь, одновременно фиксируя закрытое окно, и достал из кармана первую гранату...

...И тут же понял, что не сможет выстрелить в собровцев. Он совсем не для этого сюда пришел... Ему нужен был генерал! Этот мерзавец сейчас находится далеко отсюда, и никакой гранатой его не достать. За дверью раздался чуть слышный шорох... Сейчас ребята-спецназовцы окажутся здесь. И тогда он должен будет... Противотанковая граната привычно лежала в ладони. Степнову неожиданно припомнилась еще одна картина из прошлой жизни: похороны молоденького взводного, павшего от пули снайпера рядом с больничным комплексом. Страшный крик девятнадцатилетней вдовы, переходящий в вой, надрывно зазвучал в голове майора...

¹ ПВ – повышенная сложность.

Собровцы изготовились к атаке. Порядок «работы» объявлен обычный: отвлекающий маневр – бросок шумовой гранаты в окно, тут же выбивается дверь, а дальше – по обстановке. Командир уже поднял руку, давая команду к штурму. ... И тут за дверью раздался одиночный пистолетный выстрел...

Лица у майора не было. «ТТ» – серьезное оружие, упертый под подбородок ствол снес Степнову полчерепа. Офицер лежал на спине, широко раскинув ноги. Шесть медалей и орден наискось разъехали по широкой груди. Из медалей Андрей Степнов по-настоящему ценил только две – «За отвагу» и «За боевые заслуги», полученные еще в ДРА². Там же его представили к Герою, но политотдел дивизии не утвердил и заменил на Красную Звезду. Остальные медали, вроде «За безупречную службу», выдавались к очередной юбилейной дате.

Командир СОБРа снял каску-полусферу, его движение вразнобой повторили подчиненные. Тем временем в помещение протиснулись несколько человек – представители командования в/ч, сотрудники особого отдела (среди которых, конечно, маячил Кукшин) и военный прокурор с помощником.

– Велись ли переговоры с этим... с погибшим перед его самоубийством? Что он говорил? – Вопросы задавал высокий, грузный человек лет сорока пяти. Он был одет в полевую генеральскую форму, и, хотя на каждом «беспросветном» погоне красовалось по две звезды, командир собровцев вначале не обратил на него внимания – тот стоял позади фээсбэшников и прокурора. У генерала был крупный пористый нос, оловянные глаза навывкате и тонкий, почти безгубый рот.

Собровец раскрыл было рот, но его опередил Кукшин:

– Все в порядке, Петр Петрович! Теперь он замолчал навсе...

Кукшин осекся: ему на ногу тяжело наступил начальник особого отдела подполковник Травкин. Генерал поморщился, как от запаха из солдатского сортира, и с усталой досадой продолжил, сделав вид, что не заметил Кукшина и не услышал его реплики:

– Майора нужно было взять живым. Живым! И выяснить все! Причины его поступка, замыслы, возможных сообщников, где взял оружие... Вот вы, Травкин. – Круглые оловянные глаза уперлись в переносицу начальника особого отдела. – Имеете вы сведения, с кем общался последнее время этот Степнов? О чем разговаривал? Куда ходил?

– В общих чертах... – ушел от ответа главный контрразведчик войсковой части.

– В общих? – Толстая шея генерала стала багроветь, глаза в красных прожилках выкатились так, что Травкин почувствовал дурноту. – Что значит – в общих?! Конкретно! С кем он разговаривал в последнее время? И о чем? Отвечайте!

– Последние две недели гвардии майор в отставке Андрей Степнов проводил исключительно в кругу семьи. Жены и дочери. С представителями правоохранительных органов и офицерами войсковой части в контакт не вступал.

– Понятно. – Генерал брезгливо поморщился. – Не хватало ему вступать в контакт с твоими органами... Все равно – перепроверить и проконтролировать еще раз. И докладывать лично мне ежедневно! Все, работайте... – Генерал грузно повернулся и вышел, оставив дверь открытой.

А через некоторое время в центральных газетах появилось сообщение о том, что находящийся в нетрезвом состоянии отставной майор ВДВ А.Степнов (уволенный из Вооруженных Сил по дискредитации офицерского звания) незаконно проник на территорию воинской части и открыл стрельбу из пистолета (который незаконно хранил). Попытки обезвредить

² Демократическая Республика Афганистан.

дебошира не увенчались успехом, он забаррикадировался в подсобном помещении и продолжал беспорядочную стрельбу. Командование части вынуждено было вызвать бойцов спецподразделения. Однако до штурма дело не дошло – пьяный отставник покончил с собой. О том, что толкнуло в прошлом боевого офицера-орденоносца на столь дикую, нелепую выходку, даст ответ следствие. Вероятнее всего, злоупотребление спиртным и постоянные конфликты с семьей.

Хоронили майора лишь на четвертый день после гибели. Кроме жены и восемнадцатилетней дочери Татьяны, были еще два офицера и прапорщик из части. Все трое недавно подали рапорты об увольнении, и им было уже все равно...

Часть первая Бои без правил

(Игорь Зимин)

– Эй, братан! Ну-ка стой!

Здоровенный парень перегородил мне путь. Физиономия не отягощена интеллектом, короткая стрижка – ну прямо по воинскому уставу, мощная шея.

– Без проблем, братан! – отвечаю в его же стиле, хотя братан ему – тамбовский волк. – Меня Говор с утра ждет.

– Че ты гонишь? – Бараньи глаза наливаются агрессивностью, зрачки сдвигаются к переносице. – Никто тебя не ждет. – Бочкообразная грудь, затянутая в кожу, двинулась прямо на меня.

– Тебя что, не предупредили? – «догадался» я. – Тогда спроси сам у Анатолия.

Он задумывается. Это очень непривычное для него занятие, поэтому придется потерпеть. Видимо, Толя дал распоряжение никого не пропускать. Неизвестно еще, как он отнесется к моей скромной просьбе.

– Вот я сейчас позвоню шефу... по сотовому... – принимает наконец решение парень. – И если он тебя не знает... – Тут он снова задумывается, решая, какой наиболее страшной карой пригрозить мне.

– Башку мне открутишь и в задницу засунешь! – подсказываю я. Ждать мне некогда – через полтора часа начнется... – Звони.

– Анатоликсеич, – заискивающе загну савил он в аппарат, – тут к вам...

– Что?! – раздается знакомый, хоть и искаженный сотовой связью бас. – Выкинь его к чертям... И не звони больше, размундай!

Узнаю Толю Говора и его фирменное обращение. Тем временем связь прерывается, и размундай грозно движется в мою сторону.

– Ну?! – Теперь громила непреклонен. – Слыхал?!

Барахтаться с ним нет ни малейшего желания, и меня осеняет здравая мысль:

– Слушай, хочешь пятьдесят долларов?

– Это как? – Сегодняшний день ему не пережить – мозги расплавятся и прожгут черепную коробку.

– Набери еще раз номер Говора и дай мне трубку. Получишь пятьдесят баксов... – Я демонстративно засунул руку во внутренний карман.

Как ни странно, это возымело действие. Парень щелкнул кнопками и протянул мне аппарат.

– Ну кто тут еще... – грозное начало не обещало ничего хорошего. Но отступить было поздно.

– Анатолий Алексеевич, вас беспокоит размундай по фамилии Зимин.

– Игорь... – уже другая тональность. Похоже, Толя несколько удивлен. – Заходи...

Вручив аппарат хозяину, я двинулся вверх по лестнице.

– А баксы? – раздалось вслед.

– После шоу, – обернулся я. – Обязательно! А сейчас у меня только крупные купюры (у меня и рублей-то было кот наплакал). – Так что жди...

Размундай недобро засопел, но промолчал.

– Здравствуй, Зимин! – Анатолий Алексеевич Говор поднялся из-за роскошного, ручной работы письменного стола и протянул ладонь, напоминавшую ковш экскаватора. – Решил вспомнить дядю Толю...

– Да, так вот получилось... Мне нужны деньги, Толя. – Я решил поставить вопрос ребром.

Говор был озадачен. Нельзя сказать, что мое заявление его обрадовало или удивило. Тем не менее он все-таки рад был меня видеть.

– Деньги... – Говор медленно двигал мощной нижней челюстью. – Хочешь попросить займы?

– Ты же знаешь, Толя, не люблю быть должником... – Я не мигая смотрел в глубоко посаженные темные глаза Говора, прятавшиеся под густыми бровями и крупными надбровными дугами. – Я хочу драться.

– Когда? – озабоченно произнес Анатолий.

– Сегодня, – спокойно отвечал я. – До начала турнира больше двух часов. Ты вполне успеешь включить меня в список, а я успею подготовиться.

Говор, ни слова не говоря, вернулся за стол. Положив громадные кулаки на полированную поверхность, уставился на меня.

– Ты хоть в форме? – наступила его очередь задавать риторические вопросы. – Курить не начал?

– Курить – здоровью вредить, это всем известно. А насчет формы – вторую неделю спаррингуюсь с чемпионом Краснодарского края по тайскому боксу. Парень с осеннего призыва. Отличный боец, тяжеловес.

– Все круче, и круче, и круче... – попытался пропеть Анатолий Алексеевич, однако со слухом у него были серьезные проблемы. – Серьезные проблемы с денежным довольствием?

– Второй месяц... Как и везде.

– Совсем охренели! Это чтобы таким мужикам, как ты, денег не платить! – Говор неожиданно со свистом жажнул правой по воздуху, прямо как в боксерской молодости.

– Реформаторы... – завелся Толя. – Бросай ты эти портянки и давай ко мне! Я тебя не обижу, настоящая твоя цена мне известна!

– Посмотрим... Так как насчет боя?

Толя достал из стоящего рядом шкафчика видеокассету и протянул мне.

– Твой соперник, – объяснил он. – Иди в соседнюю комнату, разомнись и посмотри партнера, время еще есть. От себя скажу коротко: тяжеловес, рост около ста девяносто. Медлителен. В прошлом борец-вольник. Ударная техника хреновая, но если угодишь под его клешню в захват, может сломать шею. Агрессивен, моложе тебя. Работать будет в полную силу – наши правила тебе известны.

– Отлично... Какова ставка?

– Сейчас сказать трудно... Если бы ты появился хотя бы вчера... – Под столом раздался шорох, Толя бросил туда быстрый взгляд и, успокоившись, вернулся к разговору. – Думаю, пять... Лично тебе. В случае победы, конечно. Сейчас буду договариваться.

Я удовлетворенно мотнул головой и уже собрался идти в соседнюю комнату, как под Толиным столом снова послышались шорох и писк.

– Что там у тебя? – поинтересовался я, стоя у порога.

– Иди посмотри... – Толя улыбнулся почти по-детски, насколько позволяли его внешние данные, и поманил меня к столу.

На ворсистом коврик лежал, положив вислоухую голову на лапы, черный лохматый щенок с белой отметиной на левом ухе. Рядом стояли две пластмассовые плошки – одна с молоком, другая с водой. Как же я раньше не догадался – страсть Говора к четвероногим тварям уже стала притчей во языцех.

– Позавчера в подъезде подобрал, – объяснил Толя. – Какой-то размундйай выбросил, а оно совсем еще дите...

– А чего под столом держишь? – спросил я.

– Так ходят тут размундйай всякие, напугают зверя! А здесь он в уюте...

...Что бы ни случилось – шоу должно состояться!

– Дамы и господа, а также не менее уважаемые товарищи! Сестры и братья! Прошу внимания!

Роль придурковатого конферансье с трудом удавалась бывшему заслуженному артисту. Лет двадцать пять назад он был обалденно популярен, исполняя роли отважных чекистов 20-х и проницательных сыщиков с Петровки, 38.

– Итак, сегодня, дорогие зрители, нам предстоит узнать имя абсолютного чемпиона летнего турнира. Сегодня мы сможем лицезреть этого героя плоти и духа. Женщины!..

Далее полилась стандартная галиматья. Я не удержался и тяжело вздохнул, мотнув головой.

Анатолий Алексеевич образно прокомментировал работу ведущего. Мы сидели с ним в закрытой ложе Дворца спорта. В былые годы здесь сиживал Леонид Ильич с компанией.

– А теперь слово нашему главному спонсору и организатору, президенту ассоциации «Русский поединок», чемпиону Европы по боксу, Анатолию Алексеевичу Говору!

Кривляка-ведущий отступил на несколько шагов, и на подиум неторопливо взгромоздился Толя. Зал взорвался бурными и продолжительными...

– Спасибо, ребята... – произнес Говор, подождав, когда смолкнут последние хлопки. – Простите за банальность, но скажу коротко: больше дела – меньше слов. А победит, как и всегда, сильнейший! Желаю всем приятно провести этот вечер!

Молодец Анатолий Алексеевич! Больше дела – меньше слов...

– Ну а сейчас по доброй старой традиции музыкальное приветствие для всех участников и зрителей «Русского поединка». Итак, Сергей Алданов и группа «Сити-бэнд».

Когда песня окончилась и музыканты покинули подиум, начался первый поединок. Здесь я позволил себе расслабиться, закрыл глаза и отключился. В конце концов я сюда приехал за сто пятьдесят километров работать, а не глазеть шоу мордovorотов.

– Итак, господа! Наконец настало время долгожданного финального поединка!

Голос ведущего вывел меня из состояния «шавасу», что на языке йогов означает абсолютный покой и безмятежность. Я открыл глаза, встряхнулся, сохраняя расслабленность во всем теле. На старт...

– Встречаем: в красном углу – Амбал Вышибала!

В говоровском турнире все бойцы выступают под вымышленными именами или псевдонимами. С Амбалом Вышибалой я был знаком заочно лишь по Толиной видеокассете, которую успел просмотреть за двадцать минут до начала. Вышибала был значительно выше и тяжелее меня, к тому же лет на восемь помладше. Излишне массивен, но вынослив. Его бугристые мощные предплечья были покрыты цветными татуировками на темы восточного эпоса (драконы, кривые сабли и тому подобные страсти). Переломанные, плотно прижатые к бритому черепу уши, вдавленный нос с широкими ноздрями и глубоко посаженные угрюмые глазки – все соответствовало сценическому псевдониму.

...– А в синем углу боец, который именуется коротко и просто: Гвардеец!

Аплодисменты показались мне не менее громкими, чем после выступления алдановского бэнда. Не ожидал. Последний раз я работал в Толином шоу около года назад. Тогда я положил гибкого, прыгучего корейца, именуемого Мастер Ву. Кстати, не вижу его сегодня...

Однако поклонники мордобоя запомнили меня! Натянув на голову черную шапочку-полумаску ниндзя, я двинулся вперед....

Ничего себе медлительный Амбал Вышибала! Видно, видеокассета не совсем свежая – с момента съемки парень успел «подрости» не только в вольной борьбе, но и в кикбоксинге. К тому же его наверняка предупредили, что я опасен в ближнем бою. Мощные рубящие воздух удары ручищ и ножищ заставляли меня сохранять дистанцию. Толя говорил что-то про неважную ударную технику. Впрочем, для чемпиона мира она действительно хреновая. Мне же с моими скромными первыми разрядами по боксу и гиревому двоеборью вполне достаточно. Приходилось уклоняться или по возможности блокировать Амбалыи удары, не подпуская Вышибалу близко. Однако, взяв такой темп, он скоро выдохнется. Правда, возможно, успеет урыть меня... Ко всему прочему у него неплохая защита – в челюсть пробить с моих позиций непросто, а печень надежно прикрыта... Что ж, Амбал Вышибала, потанцуем! Придется выматывать тебя в вальсе, посмотрим, какой ты стайер. Единственное, что запрещено бойцам в подобном поединке, так это тыкать соперника в глаза пальцами или фалангами пальцев, а также ломать суставы. Удары в пах и головой в лицо формально не запрещены, и все же бойцы стараются их избегать. Во-первых, существует определенный кодекс чести, а во-вторых, если подобным приемом ты свалишь противника, с тобой рано или поздно расправятся точно так же.

Вот оно! Амбал Вышибала допустил первую ошибку. Увлечшись яростным избиением воздуха, он подпустил меня слишком близко. Успешно уклонившись от сокрушительного бокового в челюсть, я нырнул вплотную к Амбалыему животу. Жестко захватил Вышибалу за предплечья, упер в живот правую ногу. Рванул всем телом Амбала на себя, падая на спину, и провел классический бросок. Этого Вышибала не ожидал – прием из арсенала дзюдо, меня же в узких кругах знали как рукопашника с упором на ручную ударную технику. Однако подниматься он не торопился! Вышибала был далеко не так глуп, как могло показаться вначале. Теперь он рассчитывал сделать меня в партере (как вольник и тяжеловес, он имел завидное преимущество), ждал, когда я брошусь к нему – лежащему и почти поверженному. Молодец, Амбал! Я сделал обманное движение, рванул вперед и тут же отпрыгнул в сторону. Вышибала купился на этот номер, вскинул ручищи. Но я был уже у него в тылу. Тем не менее Амбал не дал мне оседлать себя и тут же вскочил на ноги.

И опять он меня удивил! Не так уж он и выдохся, хитрит, гад. Получив тяжелый удар в область сердца, я по инерции успел хорошо ответить, ощутимо ткнув Вышибалу в печень. Это не позволило ему разделаться со мной, пока я приходил в себя после удара в грудь; вальс продолжался.

Раунды и отдых бойцов в «Русском поединке» не предусмотрены, поэтому теперь каждый из нас вырабатывал последние резервы. Амбал дышал как загнанная лошадь и передвигался вяло, хотя взрывной силы в нем было еще немало, он надеялся поймать меня на сокрушительный нокаут ударом в челюсть или на борцовский захват за шею. Я же успел восстановиться после удара и был еще достаточно свежим – на занятиях в учебке и на полигоне и не такое выдерживал. Потанцуем еще!

Я кружился вокруг него, все чаще доставая по корпусу и по лицу. Удары несильные, однако они лишают Вышибалу душевного равновесия и провоцируют на неосторожности, а я на это и рассчитываю.

Но получил я не то, чего ожидал. Рассвирепев после очередного тычка, рассекшего ему бровь, Амбал резко выдохнул, прижал мои локти к бокам и что есть силы боднул своей чугунной башкой прямо в физиономию. Я успел откинуть голову, но бритый Амбалий калган все же вмялся мне в нос и губы. Во рту появился неприятный солоноватый привкус, слава богу, зубы уцелели. Все, Амбал Вышибала! Я думал, ты нормальный мужик, а ты оказался подонком! Теперь не обижайся!

Уходя нырком под Амбалью правую, посланную в мой подбородок в надежде завершить нокаутом «комбинацию», я ткнул гада под кадык. Правилами такие удары не возбраняются, к тому же я дозировал свой удар. Амбал не ждал такого ответа, он булькнул, икнул и «поплыл». Мне осталось лишь провести классический боковой по открытой челюсти... Нокаут!

– Не узнаю тебя, парень. – Толя выглядел недовольным. – Надо больше тренироваться, иначе окончательно потеряешь форму.

– И часто этот Вышибала берет на калган³? – спросил я, массируя уставшие мышцы.

– Первый раз. – Говор был недоволен сегодняшней встречей. И разочаровал его, как видно, не только я.

– Все нормально, Толя. – Я попытался успокоить президента «Русского поединка». – Он мне только губы слегка расквасил...

– С ним разговор будет отдельный, – твердо произнес Анатолий Алексеевич. – Пересчитай, здесь ровно пять кусков «зеленью».

– Спасибо, Толя...

– И тебе спасибо... Ты все-таки молодец.

Щенок, благополучно проспавший весь мордобой под Толиным столом, вылез на середину кабинета, зевнул. Затем расправил лапки, присел и сделал лужицу.

– И ты тоже молодец! Во какую лужу нарисовал... – Анатолий Алексеевич нагнулся и погладил юного художника по лохматой спинке.

Покидая Дворец спорта, я снова столкнулся с мощным парнем-секьюрити. И хорошо, а то я ведь совсем позабыл о нем. Он молча топтался около дверей, не решаясь, видимо, напомнить о моем обещании.

– Без проблем, братан. – Я сам подошел к нему и вручил обещанные пятьдесят баксов.

Тот, кивнув, не очень внятно выразил благодарность.

– Господин Гвардеец! – услышал я, открывая дверцу «Мерседеса».

– В чем дело? – обернулся я и увидел шустрых ребят с видеокамерами и фотоаппаратами. – А вот снимать не надо! – вежливо попросил я их, и они заметно сникли.

– Простите, пожалуйста! – зачастил самый шустрый из них, а остальные наострили уши. – Вы уже не первый раз побеждаете в «Русском поединке» противников, значительно превосходящих вас по росту и весу, побеждаете чемпионов европейских соревнований. Откуда вы взялись, господин Гвардеец, и где таких готовят?

Вот настырный размундяй. Сказал бы я тебе! Дождидайся...

Пятая отдельная гвардейская бригада специального назначения воздушно-десантных войск⁴. Вот так, ребята! И помимо Зимина Игоря Васильевича там таких гвардейцев немало...

³ Взять на калган – нанести удар головой (*термин рукопашников*).

⁴ Здесь и далее названия вымышленные.

Женщина в белом

– Девушка, вы не меня ждете?

Рита обернулась – перед ней стоял среднего роста, рыхловатый шатен, вызвавший у нее жгучую неприязнь. Толстые короткие пальцы мужчины были украшены синими татуированными перстнями. Рита не разбиралась в толкованиях татуировок, но то, что этот субъект провел не один год жизни в местах лишения свободы, не вызывало у нее сомнений.

– Нет, вы ошиблись, – коротко, стараясь говорить без акцента, произнесла женщина и отвернулась.

Шатен не торопился уходить. Он продолжал стоять рядом с Ритой, ощупывая ее с головы до пят крохотными наглыми глазками. Так продолжалось около минуты.

– А по-моему, все-таки меня, – наконец проговорил татуированный все тем же хамским тоном. – Вас зовут Рита?

Женщина вяло повернула голову. «Ну здравствуйте! С кем только не приходится контактировать...»

– Так Рита или нет? – уже более нетерпеливо переспросил шатен, решив, что действительно обозначился.

Женщина еще не совсем привыкла зваться Ритой.

– Да, я Рита... – чуть помолчав, отозвалась она и, стараясь не смотреть в лицо собеседнику, уточнила: – Вы сами по себе или кого-то представляете?

– Я от Арбитра, по уговору с нашим калининградским знакомым. Есть там такой Генрих Георгиевич. Слыхали, нет?

Да, придется ехать с этим дегенератом. Ничего не поделаешь, Генрих подписался под это дело с ее согласия.

– Тогда едем. – Рита тряхнула аккуратно подстриженными короткими волосами и подняла с асфальта спортивную сумку. – Прошу вас, давайте в дороге помолчим. Я устала после перелета и неважно себя чувствую.

– Как хотите, – пожал плечами шатен, открывая дверцу иномарки.

«Старается без акцента говорить, сучка чухонская, – думал он. – „Давайте помолчим...“ Тварь белесая. На хрен она нужна Арбитру?»

Красавец мужчина с атлетической фигурой и благородной сединой на висках обаятельно улыбался. Затем сделал неумовимое движение рукой, нанеся в воздухе резкий рубящий удар. Брови его нахмурились, нижняя челюсть выдвинулась вперед – он моментально приобрел агрессивный, даже пугающий облик. Затем мужчина столь же неожиданно шагнул назад, расслабил мышцы круглого лица, ухарски гикнул, ухмыльнулся в тридцать два зуба, хлопнул в ладоши и... исчез.

Нельзя сказать, что общение с собственным зеркальным отражением было любимым занятием Егора Альбертовича Кононова, тем не менее, оставаясь в одиночестве, он иногда подолгу общался с полуметровым стеклом. Известный предприниматель и меценат, независимый депутат Государственной думы, друг спортсменов и актеров кино, Егор Альбертович был просто обязан заботиться о своей внешности и нравиться другим. А в первую очередь он должен нравиться самому себе. И это у него получалось неплохо.

Телефонный звонок не был для него неожиданностью, напротив – он ждал его уже минут двадцать.

– Егор Альбертович! – услышал Кононов в трубке голос Геры Кохана, личного депутатского помощника. – Я из аэропорта! Встретил нашу знакомую. Куда теперь ехать – к вам или в гостиницу?

– Давай ко мне... – с деланной небрежностью распорядился депутат.

Скинув халат, он снова застыл перед зеркалом, раздумывая, в каком виде он предстанет перед незнакомкой, о которой был много наслышан.

Женщина по имени Рита оказалась хрупкой, невысокой блондинкой. Одета она была просто, но элегантно: длинный белый плащ с большими пуговицами, узкие брюки, изящные сапожки на тонком, копыеобразном каблуке. У нее были правильные тонкие черты лица, яркие светло-синие глаза. Взгляд умный и холодный. Гера рядом с ней выглядел законченным придурком.

– Здравствуйте, – первой поздоровалась Рита и тут же задала вопрос: – Вы Арбитр?

Егор Альбертович предстал перед ней в темном двубортном итальянском костюме и белой рубашке с галстуком.

– Здравствуйте, Рита. – Кононов тоже придерживался официально-делового тона. – Арбитр – это мой, гм... рабочий псевдоним... – Он немного помолчал и добавил: – Такой же, как Кельт – у нашего уважаемого Генриха Георгиевича.

Уголки Ритиных губ слегка дернулись.

– То, что вы знаете Кельта, дает основание доверять вам, – произнесла она и расстегнула верхнюю пуговицу. – Куда можно повесить плащ?

Через некоторое время они сидели за большим круглым столом у открытого окна. Их было четверо – помимо Арбитра, Риты и Геры присутствовал начальник кононовской службы безопасности Миша Клименко, бывший сотрудник ФСБ. (Службы как таковой не имелось, была просто охрана, но «начальник службы безопасности» звучит куда внушительней, чем «начальник охраны».) Гера пил пиво, Миша – боржоми, Рита отказалась от напитков, хозяин тоже воздержался; тихо жужжавший на подоконнике вентилятор гнал прохладный ветерок, напоенный ароматом раскинувшейся под окном лесопарковой зоны, и для Арбитра это было куда приятнее пива... Вначале из соображений конспирации он не хотел встречаться с «зарубежным специалистом», к тому же дамой, но потом передумал – какая уж тут конспирация, она знает Кельта, а тот знает о нем столько... Нет, лучше держать все нити в своих руках.

– Работа предстоит серьезная... – Арбитр не спешил излагать суть дела, хотелось приглядеться к гостю получше. – Оплата соответствующая. Нам нужен специалист высочайшего класса, при этом никогда не светившийся ни в Москве, ни в области. Кельт порекомендовал вас, Рита. Надеюсь, он не ошибся.

– Говорите по существу... – Голос Риты был уставшим и бесцветным, как ее волосы. – Я привыкла к серьезной работе. Оплата, как сказал Кельт, двадцать тысяч за акцию. Это так?

– Разумеется. – Арбитр неторопливо разглядывал исполнительницу. – Но акции будут ответственные.

– Вы это уже говорили, не надо повторять одно и то же.

Манеры этой штучки сбивали с толку. В беседу вступил отставной чекист Клименко:

– С каким оружием привыкли работать?

– Стандартное – «СВД», нестандартное – «зимсон». Малокалиберные винтовки типа «ТОЗ»... Что вас конкретно интересует?

– Вы занимались биатлоном?

– Нет. Моя спортивная специализация пистолет. Винтовки я осваивала самостоятельно. Мой дядя бывший биатлонист, у него их несколько.

– Говорят, вы работали... – Клименко сделал паузу, – в Чечне?

– Я в разных местах работала, – голос Риты остался бесцветным и усталым. – Это не имеет отношения к делу.

– Действительно, Миша. – Арбитр, красуясь, пружинисто поднялся и направился в дальний угол, к несгораемому сейфу. – Рита, подойдите, пожалуйста.

Арбитр извлек из сейфа небольшой блестящий пистолет с глушителем, протянул его подошедшей Рите.

– Такая игрушка знакома?

– «Беретта», – коротко охарактеризовала она ствол. – С этой маркой я мало работала.

Заряжен?

– Разумеется. Полная обойма.

– Пристрелян?

– Конечно. Причем специалистом.

– Посмотрим.

Неожиданно она передернула предохранитель и резко обернулась к мужчинам, сидевшим за столом на фоне окна. Пистолет в ее руке трижды негромко чихнул. Из Гериных пальцев, державших пустой пивной бокал, на стол посыпались осколки; Мишина капитанская трубка, которую он держал в руке, осталась без мундштука; жужжание вентилятора смолкло – пуля перебила электропровод. На полминуты воцарилась тяжелая тишина.

– Ну дает... – первым издал звук Гера, с недоверием разглядывая невредимую ладонь.

Отставник с Лубянки молча положил искалеченную трубку в пепельницу.

– Еще вопросы будут? Нет? Возьмите. – Рита протянула оружие Арбитру, который в этот момент совсем не походил на красавца мужчину в зеркале.

– Вы хорошо стреляете, – проговорил он севшим голосом, – и все же к чему этот цирк? Вы что, ждете аплодисментов? А с кем могут встретиться ваши пульки за окном, вы не подумали?

– Я жду, когда кончатся ненужные вопросы и начнется разговор о деле. А за окном мои пульки могут встретиться только с березкой или осинкой. – Рита вернулась к столу, налила полбокала боржоми, сделала глоток и тем же тусклым голосом закончила: – Материальный ущерб, уважаемые господа, можете компенсировать из моего гонорара. Я не возражаю... Теперь давайте к делу, а если вы не готовы – отвезите меня в гостиницу, повторяю, я устала и хочу спать.

Неожиданный захват (Игорь Зимин)

С Толей Говором мы познакомились года полтора назад. Дело было летом, в столицу я приехал по служебным делам. Возвращался поздно, спешил на последнюю электричку, вдруг нате вам... Около одного из кабаков (это я по вывеске догадался) потасовка. Причем серьезная. Ввязываться не хотелось.

Огибая дерущихся, я легко уяснил ситуацию: один уже «отдыхает» в луже без признаков жизни, а четверо других кого-то атакуют. Напористо, но без особого успеха. Поравнялся с ними, смотрю – широкоплечий мужик, в возрасте уже, рожа знакомая, но где видел – с ходу не врубаюсь, отмахивается от четверых мордovorотов. Грамотно отмахивается, вот только противников больше, да и моложе они на пару десятков... Может, за дело метелят?

И тут я узнал его. Ничего себе! Это же сам Анатолий Говор! Призер Европы и чемпион бывшего Союза. Я его раньше только по телевизору да на Кубке Москвы видел. Ну еще в газете «Советский спорт». В конце восьмидесятых Говор куда-то исчез. Поговаривали, что он сидит, чуть ли не за убийство...

Мы одной крови, Толя...

– Мужики! А ну прекратить! – спокойно, но громко и отчетливо говорю я. В таких ситуациях иной раз можно взять на голос.

Но одного голоса для этих ребят оказалось недостаточно. Двое из них отделились и быстро направились ко мне. По их четким движениям я понял, что ребята не пьяны, на ногах стоят крепко и настроены серьезно. К тому же их весовая категория была много выше той, в которой пребывал шуплый размундай Зимин.

Первый удар я успешно блокировал, отскочил и врезал нападавшему носком стопы под коленную чашечку. Тот взвыл и скрючился на асфальте. Второй парень повторил атаку, однако я уже был наготове. Успел поднырнуть под его руку, развернуть корпус и врезать мордovorоту по ребрам. Локтем, с разворота. Локти я месяцами набивал о боксерскую грушу и другие твердые предметы, поэтому парень захрипел, как вспоротый футбольный мяч, и улегся на асфальт рядом с приятелем.

– Неплохо, – оценил мою работу дядя Говор, быстро покончивший с оставшейся парочкой. – Молодец, пацан... – Видимо, в темноте я выглядел моложе своих тридцати. – Будем знакомиться! Говор Анатолий Алексеевич. – И он протянул громадную тяжелую ладонь.

– Да я узнал... Зимин, Игорь, – смущенно подал я свою ладошку.

– Ты кто по жизни, Зимин Игорь? Что-то я тебя раньше не видел. – Глубоко посаженные глаза пытливо разглядывали меня. – Ты часом не из ментов?

– Нет, хотя погоны ношу.

– Офицер, – уверенно произнес Говор. – Морпех?! – Этот клич прозвучал с энтузиазмом.

– Нет, ВДВ.

– А-а... – Кажется, он был немного расстроен. – А я вот к морской пехоте имею слабость. Сам служил. «Казачья бухта», слышал?

– Кто же не слышал?!

– Сержант запаса, – с гордостью сообщил Анатолий Алексеевич. – Но десантуру тоже уважаю. Пошли, – не допускающим возражений тоном проговорил он, увлекая меня за собой в подъезд соседнего дома. – Я здесь живу. А с этими... Первый раз их вижу. Устроили тут охоту на прохожих, крики... Пытался объяснить, что нехорошо шуметь поздно вечером, люди отдыхают, – не поняли. Теперь вот сами отдыхают...

Весь следующий день мы провели вместе. Толя показывал мне видеозаписи лучших мировых поединков, водил в собственный спортзал, расспрашивал о моей службе.

А вечером... Подарил мне «Мерседес»! Причем отказаться было невозможно.

– Я, Игорь, людей повидал. – Он чуть не заткнул своей огромной ладонью мой рот. – Дерьма много... Людишек гадостных не пересчитать. А вот таких, как ты, чтобы так, против нескольких... Постороннего человека защитить... Таких единицы. Это не я тебе – ты мне подарок сделал вчера. Не возьмешь тачку – обидишь на всю жизнь! – неожиданно рявкнул он. – Ты что думаешь... Деньги? Деньги – муть. Он, кстати, и не новый. Я за месяц пару таких «мерсов» делаю, будь уверен. Еще и на мороженое остается. Так что не обижай. А сам подумай на досуге – в армии сейчас хреново, я знаю... А у меня тебе хорошо будет. Я тебе платить по-настоящему буду. Я бойцов ценю...

– Спасибо, Толя. Раз так – спасибо, раньше ходил, теперь буду ездить и тебя вспоминать. А службу пока оставлять не собираюсь, – решил я. – Разве что выгонят...

– Выгонят?! – вскинул густые брови Анатолий Алексеевич. – Тебя?! А впрочем, козлов сейчас...

...Месяца через три я впервые выступил на арене «Русского поединка». В части тогда второй месяц не выплачивали денежного довольствия вместе с пайковыми...

Утреннее шоссе блестело после ночного ливня. Минут через двадцать я буду дома. Нерегулярная выплата скромного офицерского жалованья заставляла думать, как и где добывать средства к существованию, но пока я додумался только до гвардейских подвигов в «Русском поединке» у Толи Говора... И пока, тьфу-тьфу, подвиги меня кормят неплохо, и голова еще цела, если пренебречь деталями в виде разбитых губ. Это не беда! Важен результат: гвардии капитан И. В. Зимин направляется к постоянному месту дислокации на своей нехилой тачке, обремененный нехилым заработком. А впереди его ждет отпуск – около тридцати суток личного времени. Жизнь прекрасна и даже в чем-то удивительна!

Голова немного гудела, на вздохе побаливали ребра под сердцем – ох, нехороший мужик Амбал Вышибала! Машин на шоссе попадалось немного, а прохожих вообще не было. Куда торопиться в такую рань, да еще в субботний день?! Неожиданно за поворотом я увидел одинокую фигуру высокой тоненькой девушки лет восемнадцати. Я заглушил мотор и причалил к обочине.

– Здравствуйте. – Девушка нагнулась к опущенному стеклу. – Вы не подбросите меня до в/ч?

Гм... Не подброшу ли я ее до в/ч. В/ч – это воинская часть. Помимо нашей бригады, других в/ч в ближайшей округе не наблюдается. Значит, гостя направляется к нам... У девушки симпатичные карие глаза и распущенные по плечам густые русые волосы. Вот только рост... Не меньше ста восьмидесяти. Во мне сто семьдесят пять, для специалистов моего профиля этого считается маловато, меня даже в училище не хотели брать из-за такого «дефекта», однако это отдельная история.

– Я вообще с поезда, хотела пешком дойти, но устала. Подвезите, пожалуйста...

– Садитесь, раз устали...

– Спасибо... Меня зовут Таня, а вас? – Она проворно забралась на заднее сиденье.

– Игорь Васильевич.

Минут пять мы ехали молча. Я глядел на дорогу, а Таня перебирала вещи в дамской сумочке, которая составляла весь ее багаж.

– Простите, нам еще долго ехать? – Вопрос прозвучал мягко, но как-то напряженно.

– Минут пятнадцать, не больше.

– Извините, вы не могли бы на несколько минут остановиться. Мне нужно выйти... – деликатно попросила она.

Что ж, дело житейское. Не говоря ни слова, я остановил «Мерседес», и девушка, выпорхнув из машины, исчезла в густой зелени придорожной лесопосадки. Пробыла она там недолго, от силы минуты три. Так же легко выпорхнула из кустов и направилась в мою сторону. У нее была быстрая, танцующая походка. Я мысленно окрестил ее фотомоделлю-баскетболисткой. Преодолевая неглубокий кювет, девушка поскользнулась и, пронзительно вскрикнув, упала на обочину в нескольких шагах от машины. Ее сумочка отлетела в сторону и закатилась в кусты.

– Ушиблись? – Я тут же выскочил из машины и нагнулся над ней.

– Кажется, что-то с ногой... Очень больно... Ой! – Она вскрикнула и забавно сморщила нос, как только я дотронулся до ее голени.

– Давайте доберемся до машины, – предложил я.

– Сейчас... – Девушка неловко поднялась на одной ноге. – Я сама... А вы поищите мою сумку. Она вон там, в кустах...

Сумочку я отыскал почти сразу в луже под кустом, а когда обернулся, Таня уже неловко взбиралась на заднее сиденье «мерса».

– Возьмите. – Я протянул ей сумочку. – Сейчас приедем в часть, и вас посмотрит наш хирург, он у нас великий спец по синякам, вывихам и прочим напастям. – Обойдя капот, я сел на водительское сиденье и протянул руку к ключу зажигания, но его в гнезде не было.

– Спокойно, Игорь Васильевич, – раздался за спиной Танин голос. Совсем другой, нежели пару мгновений назад – твердый и уверенный. – Ключи от «мерса» у меня! Не делайте резких движений, медленно поворачивайтесь ко мне.

Не ожидал от фотомодели (или баскетболистки?). Пришлось подчиниться. На меня в упор, прямо в лицо, смотрел черный ствол пистолета «ТТ». С такого расстояния даже фотомодели не промахиваются, а попадание гарантирует летальный исход на месте. Ну и тварь! Ловко она меня...

– Будешь дергаться – пристрелю!

– Не сомневаюсь. – Я старался говорить как можно спокойнее – черт его знает, какие нынче нервы у фотомоделей, которые баскетболистки. – Чего тебе надо?

– Для начала возьми вот это. – Она швырнула мне какие-то железяки, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся наручниками и ключом от них.

– Пристегивай себя к рулю! Левую руку! Быстро! – Приказы сыпались, как горох. Ну баскетболистки пошли...

Мне ничего не оставалось, как повиноваться.

– Ключ аккуратно бросай назад, – продолжала она в том же духе.

Хитрая тварь! В таком положении мне до нее не дотянуться. Аккуратно бросил ключ за спину. Подхватив его, она убрала во внутренний карман куртки. Это я успел разглядеть боковым зрением.

– Твои документы, оружие и мобильник у меня, – сообщила баскетболистка, она же фотомоделль. – Сиди и не дергайся!

– Давай ближе к делу. – Я решил внести определенность в наши отношения.

– Слушай меня внимательно и запоминай – мне терять нечего! Я больна СПИДом и жизнью своей не дорожу. – Девушка сделала паузу, давая мне переварить услышанное. – Ясно тебе?

– Ясно. Что дальше?

– Мне нужно попасть в вэ че... Любой ценой.

– Я тебя и вез туда. Зачем же это соло на пистолете? – Я было повернул к ней голову, но реакция у фотомодели была баскетбольная:

– Не дергайся, смотри вперед, на дорогу! А соло на пистолете затем, что мне так просто не пройти КПП. И там вояк много, а здесь ты один, к тому же такой галантный...

Вот дрянь, еще издевается. Наши глаза встретились в зеркальце заднего вида.

– Ну и что же, я должен тебя в карман себе положить, как Иван-царевич свою лягушку прекрасную?

– Нет, Иван-царевич по имени Игорь Васильевич, в карманах у тебя, поди, негигиенично. Я сделаю проще. За полкилометра до КПП накроюсь брезентом, что у тебя тут лежит. – Она не отвела пистолета от моего затылка. – А пистолет будет глядеть тебе в спину, в самый позвоночник. В случае чего, если не убью, то обездвижу на всю оставшуюся жизнь.

Вот стерва, прямо читает мои мысли.

– Тебя проверять не будут, и мы проедем на территорию вз че. Ключ от наручников получишь, когда подъедешь к гаражу. Там я скажу, что делать дальше.

– А если на КПП заметят наручники? – задал я вполне резонный вопрос.

– Это твоя головная боль. Прикроешь их ладонями... Никто ничего не должен замечать, я уже проверяла. В любом случае первая пуля – тебе, да и пара ребят с КПП пострадает... – Голос баскетболистки стал глуше и печальней. – А мне бы этого не хотелось. В твоих же интересах не демаскироваться.

Фото модели и баскетболистки сильны не логикой, а совсем другим, но эта... Ну что за девка! Профессиональная диверсантка? Тоже непохоже, ей вроде действительно жаль солдат с КПП... Или играет, артистка поганая?

– Ну, хватит вопросов. Пора ехать... – подытожила артистка. Или диверсантка?

– Хорошо. Только сигареты брось, курить охота...

– Какие сигареты? – насторожилась она.

– В куртке лежали, вместе с удостоверением офицера... Тоже решила прикарманить? – Я вел беседу как можно спокойней, свободной рукой роясь в карманах. При этом я незаметно, вполоборота развернулся к Татьяне.

– Не было там ничего. – Кажется, девица немного смутилась.

– Значит, выпали, – продолжал я незатейливый треп, отбрасывая куртку на сиденье. – А-а-а, вон они, под брезент завалились, – показал я глазами в угол.

Девушка машинально глянула в указанном мною направлении. Трудно действовать в моем положении: тесно, одна рука скована, вооруженный противник за спиной... И все же это – последний шанс.

...Ребром правой ладони я ударил по стволу «ТТ» так, чтобы выстрел ушел вниз. Так и получилось! Девчонка не блефовала – пистолет был заряжен боевыми патронами, и у меня слегка заложило барабанные перепонки. Той же рукой я поймал ее кисть и ткнул костяшками в стекло закрытого окна, перегибая кисть под прямым углом. Пистолет выпал, я отпустил захват и коротко ткнул диверсантку сложенными вместе пальцами в сонную артерию. Она отрубилась сразу – эх, диверсантка, она же баскетболистка, она же фото модель...

Перво-наперво я вытащил у нее из внутреннего кармана ключ от наручников и отковался. Теперь, милая, роли круто изменились. Бесчувственную кисть тонкой, бледной руки я прицепил к задней дверце. А сейчас оружие...

Ну вот! Пока очаровательная фото модель-баскетболистка-диверсантка приходит в себя, можно немного поразмышлять.

Самое правильное и милое дело – без лишних разговоров сдать эту красавицу в особый отдел части. Вот там пусть с ней и разговаривают. Пожалуй, так и поступлю... Дело, между прочим, серьезное, и патроны в «ТТ» не холостые! Подброшу чекистам работенки... И все же, не гони, гвардеец... Меня подмывало просто, по-человечески расспросить эту Таню, зачем она все это проделала и чего хочет добиться в итоге?

Тем временем фото модель-диверсантка почти оклемалась. Ударил я ее не сильно, дозируя удар, в расчете отключить на несколько минут.

– С добрым утром, Танечка. Как видишь, ошибиться может каждый. – Я старался говорить обычным, вежливым тоном. – Что теперь прикажешь делать с тобой?

– Делай что хочешь... – Голос ее звучал обреченно. Казалось, ей было все равно. – А лучше пристрели! Может, орден Мужества дадут...

– Ты действительно больна СПИДом? – Я не оставлял надежды разговорить ее.

– Хочешь попользоваться? – Она усмехнулась.

– А вот на это я уже могу сильно обидеться. – Девушка действительно начала выводить меня из терпения.

– А мне плевать на твои обиды! – Ее круглые, светло-карие глаза смотрели на меня в упор.

– Слушай, за что ты на меня так взъелась? Я всего лишь хотел подвезти тебя до воинской части... По твоей же просьбе. Или ты вообще ненавидишь военных? – Этот вопрос я подбросил наудачу.

И, кажется, попал в точку!

– А за что вас любить? – Глаза у девушки стали еще ярче и заблестели. – Защитники Отечества! В стране вон чего творится, а вы только и думаете, что бы украсть, за забор вынести и продать подороже! Гвардейцы-десантники хреновые... – В выражениях девушка не стеснялась.

– Ты прямо как на митинге...

– А что? Неправда?

– Люди-то разные... Или ты считаешь, что все офицеры – сволочи продажные?

– Вот тебя взять, к примеру. – Карие глаза слегка прищурились. – Что, на капитанское жалованье «мерс» и мобильник приобрел? А в сумке у тебя, я посмотреть успела, «зеленью» несколько тысяч! Это что? Зарплата ротного?

Ух, как она меня! Еще вопрос – кто кого сейчас допросит! Глазастая, стерва.

– Ну, «мерс» мне подарили...

– Ой рассмешил! Хоть перед смертью похохочу!

И она звонко, по-девчоночьи рассмеялась.

– Слушай, я ведь правду говорю... – Я вновь начал заводиться.

– Верю! А деньги ты заработал потом и кровью! Верю, Игорь Васильевич. – Девушка перестала смеяться, ее глаза снова стали печальными.

– Да здоровьем матери клянусь! – неожиданно выдохнул я. Ох и достала меня эта Танька...

Она не сразу нашлась, что ответить.

– Ты... Вот так вот... Здоровьем матери распоряжаешься? – Слова были хлесткие, а тон им не соответствовал, он был какой-то неуверенный.

– Машину мне один человек подарил... Толя Говор, может, слыхала?

– Нет, не слыхала.

– Я помог ему... Когда ему было трудно. Вот он и отблагодарил. Что, верится с трудом? А я ведь правду говорю!

Фотомодель, похоже, не верила ни одному моему слову. В глазах ее теперь читались презрение и брезгливость.

– Ладно, – неожиданно произнесла она, – может, и подарили тебе этот «мерс». Мне-то какое дело... Ну вот теперь и вези меня в нем к своим обожаемым начальникам.

Она же еще и распоряжается, куда ее теперь везти! Вот назло никуда не повезу!

– Отвезти я тебя успею! Не беспокойся... Ты мне лучше скажи, что ты забыла в в/ч?

Я ожидал, что она пошлет меня, однако девушка впервые за все время беседы опустила глаза, провела свободной рукой по растрепавшимся волосам. Она не торопилась с ответом; наконец, уставившись мне в глаза, четко произнесла:

– Я должна убить генерала Клярова.

Задушевные беседы

– Девуцу мы упустили...

– Что значит «упустили»? Ты мне так не говори, дорогой. Я таких слов, как ты знаешь, не понимаю.

– Она сняла квартиру на окраине. Мы пасли ее целый день... А ночью она нас обвела – смылась через кухонное окно, прямо со второго этажа. Утром я пошел в ларек взять чего похавать, смотрю – окно открыто, я сначала не усек, что к чему, а потом огляделся, смотрю – в мусорник две простыни связанные запихнуты. Как в кино – кто же мог думать... Сейчас вот ищем ее...

– Кто же мог думать... Да уж не вы, дебилы. Ее надо было сразу брать... Сразу, как только засекли ее в райцентре!

– Мы хотели...

– Выявить связи? Ну какие у нее могут быть здесь связи, думать надо! Хотя чем вам думать... Ее нужно было брать! Причем живой и невредимой! И сразу ко мне... Со мной она бы не отказалась побеседовать.

Два не старых, но и не очень молодых человека негромко и с виду вполне мирно беседовали, сидя на лавочке в городском сквере.

– Если до завтрашнего утра не найдешь, пеняй на себя, – произнес тот, что выглядел менее юным из-за ранней плешивости.

– Да ищем же... Найдем, куда она денется. А может, ее сразу и?..

Неожиданно их любезную беседу прервал высокий, болезненно худой парень. Он подошел к ним, слегка покачиваясь, торчащие из рукавов спортивной куртки тощие руки заметно тряслись, тыльные стороны кистей были синими от многочисленных татуировок.

– Мужики... Выручайте! Пятерка вот так нужна! – Он обессиленно рухнул на край лавочки, обхватив ее спинку обеими руками. – Подыхаю, мужики... – Он умоляюще уставился на собеседников скорбными, водянистыми глазами алкоголика.

– Так... Ну-ка брысь отсюда! – Более молодой и спортивный угрожающе приподнялся.

– Да ладно, мужики. Извиняюсь, нестыковка... – Ханыга покорно встал и, шатаясь, двинулся в глубину сквера.

– Спивается Россия, – мрачно констатировал плешивый. – Да сядь ты, на черта с ним связываться, не в этом твоя забота...

Тем временем ханыга миновал сквер, походка его стала вдруг уверенной, упругой и быстрой. Он в два прыжка перебежал на другую сторону улицы и скрылся за дверцами припаркованного рядом с газетным киоском микроавтобуса.

– Ну как? – спросил татуированный у сидевшего на самом дальнем сиденье микроавтобуса темноволосого, с седеющими висками, скуластого мужчины. Из правого уха у него торчал провод, подсоединенный к компактному металлическому прибору.

– Да неважно... Помехи... Куда ты его прилепил? Воробьев лучше слышно, чем разговор, – отозвался темноволосый.

– К спинке лавки. По-другому было нельзя – они все время головами крутят, озираются, а как я к ним подсел, чуть по морде не схлопотал, – развел синими руками татуированный.

– Ладно, помолчи пока, – махнул рукой темноволосый и закрыл ладонью свободное ухо.

– А что Кляров? – продолжал звучать голос Плешивого.

– Пока ничего не знает.

– Ну и хорошо... Пусть так и будет.

– А если девица его... это... завалит?

– Не думаю. Хотя тебе это сильно осложнит жизнь, учти...

– Ну что вам дался этот Кляров?..

– Дался, не дался... Тебе-то какое дело? Найдешь мне девку – получишь бабки. Не найдешь – получишь другой подарок, за мной не заржавеет. И тебе, и твоим дуроломам мало не покажется. И кончай мне тут вопросы задавать...

– Хамите, Иван Семенович. А зря...

– Что-о?!

– Скажу вам честно и откровенно – ради чего мы тут задницы дерем, мне лично непонятно. Обратились бы к ментам – они вас уважают, столько лет служили верой-правдой... Они бы эту деваху вам без проблем притащили, и дешевле бы вышло, и быстрее.

– Эх, Рома... Ты думаешь, я о здоровье Клярова пекусь? Тут дело серьезней. Я вот прикинул, получается, что на руках у этой девицы должны быть кое-какие бумаги... И в них много чего интересного. Про тебя тоже кое-что имеется, между прочим. И про меня, само собой. Поэтому о ментах разговора быть не может, ее надо аккуратно изъять из обращения, чтобы вокруг ничего и никого не потревожить. Понял, в чем дело?

Некоторое время был слышен только птичий гомон.

– Так вот, будете брать девку тихо. И сразу ко мне! А с Кляровым еще успеем разобраться, не беспокойся!

– Ну что ж, вам виднее... Я пойду?

– Давай, Рома. Удачи тебе!

Подождав еще пару минут, темноволосый в автобусе вынул датчик из уха и отключил прибор.

– Спасибо, Боря, – поблагодарил он татуированного напарника. – Минут через десять сходи и сними «клопа».

– Сделаю, Владимир Михалыч. Что дальше?

– Нам надо срочно отыскать эту Татьяну Степнову. – Владимир Михайлович начал медленно массировать затылок. – Раньше, чем эти соколы. Вот такие дела, Борис.

– У нас даже фотографии ее нет, – без всякого энтузиазма отозвался Борис.

– А у нее внешность нестандартная – рост сто восемьдесят один. Другие особые приметы, правда, отсутствуют. Волосы темно-русые, глаза карие. Довольно симпатичная. Будем исходить из того, что имеем.

– Они могут ее убить? – спросил Борис.

– Эти вряд ли, сейчас во всяком случае. Однако медлить мы не можем.

Попутчица Татьяна (Игорь Зимин)

- Про дело ЗГВ⁵ слыхал, наверное?
- Слыхал. – Я невольно криво усмехнулся.
- И про роль Клярова? – Таня начала говорить вопросами.
- Служил инструктором по марксизму-ленинизму при политотделе... Как писали в «Красной звезде», проходил в качестве подозреваемого в деле о хищениях с боевых складов ЗГВ, в результате прокурорской проверки признан невиновным, – припомнил я.
- Правильные газеты читаешь, хвалю... – Длинноногая стерва пыталась меня подколоть, даже будучи скованной наручниками.
- Давай по делу, Татьяна... Я в конце концов не прокурор и не особист! Если успела поглядеть документы – командир отдельной разведроты спецназа ВДВ. И за свое дело я отвечаю...
- Хорошо отвечаешь. – Она кивнула на наручники.
- А ты что думала? Меня еще в плен ни разу не брали... Ни «чехи», ни «духи», ни «румы»⁶... Со мной зевать опасно! – Я намеренно повысил голос. Девчонку надо поставить на место. Хотя она молодец – чуть-чуть не «спеленала» меня по всей форме! Чуть-чуть... – Давай про Клярова... – вернул я Таню.
- Кляров... Сволочь редкая твой Кляров! А тебе я все равно не верю, капитан. Не хочу ничего тебе говорить. Вези меня к ментам или в особку, а остальные подробности потом в «Красной звезде» прочитаешь.
- Поехали! – Терпение мое лопнуло, и я ударил по газам.
- Куда ты меня привез?
- Не видишь? Квартира...
- Твоя?
- Не совсем... Бывшей жены.
- Почему ты все время врешь?
- Таня... Я вообще-то большой фантазер, и вешать лапшу на уши молодым девицам – мое любимое занятие. А вот начиная с сегодняшнего утра по существу недоразумению говорю правду, и только правду. Так уж получилось, извини.
- И где твоя бывшая жена?
- Она уехала в Париж... С любимым человеком.
- М-да, Игорь Васильевич... А квартиру тебе подарила?
- Нет. Разрешила пользоваться в ее отсутствие.
- «Мерс» тебе дарят, квартиру бывшая жена оставляет для любовных походов, а пять тысяч баксов ты зарабатываешь за один вечер. Неплохо, капитан.
- Нахалка, дрянь, авантюристка! Зачем я притащил ее сюда?! Я капитан ВДВ или сумасшедший?
- Таня, – начал я свою речь как можно мягче (мне это далось с трудом!). – По-моему, ты нормальная девушка. Но попала в нехорошую историю. А из таких историй лучше выпутываться на начальном этапе, уж поверь!

⁵ ЗГВ – Западная группа советских войск, дислоцировавшаяся на территории бывшей Восточной Германии.

⁶ «Чехи», «духи», «румы» – спецназовский армейский сленг. «Чехи» – чечены, «духи» – душманы, «румы» – представители вооруженных структур Молдовы во время приднестровского конфликта.

– Не забудь сказать, что ты старше меня и желаешь исключительно добра. Прямо актер Валерий Приемыхов! Капитан, если ты решил спасти мою заблудшую душу...

– Все, сейчас я тебе покажу актера Приемыхова!

И джентльменскому терпению приходит конец!

У Татьяны перехватило дыхание.

– Ну вот и бросил выпендриваться, а то «ты нормальная девушка», да «попала в нехорошую историю»... А естество, оно и выперло. Давай, супермен, продолжай в своем стиле – так тебе легче, я вижу...

Нет, с этой девкой невозможно. Спокойней, капитан, считай, что ты на ринге, только решают дело не кулаки, а соображение и выдержка...

– Садись, рассказывай... – Я показал на диван. – Я сейчас поставлю чайник.

Как много девушек хороших!.. Да вот тянет что-то на плохих...

А все-таки девчонка поверила мне! Кажется, поверила... И ведь как завела меня! Надо же, захватила в заложники капитана ВДВ, сообщила, что едет убивать генерала – чистой воды терроризм, а я, тот самый капитан, везу ее не в особый отдел, а в городскую квартиру бывшей супруги... Сказали бы мне это сегодня утром, я бы лопнул со смеху.

Чем же она меня зацепила? Не лукавь, капитан, с самим собой, тебе же ясно, чем – у нее длинные стройные ноги и добрые грустные глаза, все так, и все же не в этом дело. Я привык доверять интуиции и сейчас верил своему ощущению: что-то есть в этой девчонке такое, что несовместимо с терроризмом ради денег или какой-то бредовой идеи.

Похоже, кто-то ее сильно обидел, может, даже не ее, а очень близкого человека... И она шла для того, чтобы восстановить справедливость – ценой своей жизни. История, толкнувшая ее на подвиги, связана с нашей вз че, где я, военный разведчик по должности и призванию, за годы службы повидал немало всякого и хорошо знал цену особистам и «обожжаемому начальничку» генералу Клярову.

Нет, с этой фотомodelью я сначала разберусь сам. Возможно, это будет мне стоить не только желанного и вполне заслуженного отпуска...

– Так вот. После скандала в ЗГВ господина Клярова слегка понизили в должности и согнали с хлебного места. В итоге он приземлился в Камышинской дивизии ВДВ.

– Решил пересидеть трудные времена в качестве бойца идеологического фронта... – вставил я. История генерал-майора П. П. Клярова была мне в общих чертах известна.

– Вот именно. К тому времени он уже имел пару коттеджей в Подмоскowie. Но бизнес есть бизнес, – девушка невесело усмехнулась, – особенно когда торгуешь оружием... И покупатели нашлись не бедные. – Она замолчала, задумавшись.

– Продолжай, – вернул я ее из грустного прошлого в невеселое настоящее.

– Что продолжать-то? – Она криво усмехнулась, видимо, ей было непросто произнести главное.

– Ну, как хочешь. – Мы с ней шли по тонкому льду, ей не хотелось дальше, и толкать ее силой было нельзя – пусть ищет путь сама, иначе нам не пройти.

– В конце девяносто третьего, перед самой войной, дудаевским формированиям было переправлено несколько автопоездов с оружием и боеприпасами, в том числе с установками «град». Про это в своей газете не читал?

Читал ли я в газетах? Да я со своими ребятами за этими «градами» в декабре того же 1993-го во как набегался! Мы тогда подошли вплотную к Грозному, но «чехи» всю технику успели рассредоточить. Пришлось за каждым отдельным дудаевским танком и «градом» гоняться по просторам независимой Ичкерии. Мне, ребятам моим...

Самое паскудное, что разведданные о местах сосредоточения техники, складов оружия и боеприпасов дудаевских сил были положены на стол командования еще до начала боевых действий и президентского указа. Мною лично были положены, Гюрза⁷ не даст соврать. Мы, то есть разведка ВДВ, тогда работали на пару с грушниками, и неплохо работали. «Точки» были выявлены, осталось только нанести удар! Да вот только «обожаемые начальнички», и не наши, бригадные, а куда более вышесидящие, не соизволили дать команду. А самодеятельностью спецназ не занимается, воспитание не то.

Вот и гонялись мы за каждой персональной волей. Я тогда многих ребят потерял... И все мы – разведчики, грушники, особисты, фээсбэшники – удивлялись: откуда у дудаевцев столько нашей техники в хорошем состоянии и боеготовности? И почему с самого верху на это сквозь пальцы смотрят и в упор не видят? Это сейчас всем все понятно...

– Откуда ты все знаешь? – С этого вопроса нужно было начинать нашу милую беседу.

Таня ответила не сразу. Впервые за все время разговора она опустила глаза, собралась с духом и выдала:

– Дело в том, что главным «караванщиком» по доставке оружия в Чечню был мой отец – гвардии майор Андрей Степнов.

Вот тебе и на... Если бы я имел пагубную привычку к никотину, то схватился бы сейчас за сигарету, как за спасательный круг. Только я не курю...

⁷ Гюрза – Алексей Ефентьев, Герой России, подполковник ГРУ. Герой многочисленных телерепортажей и публикаций, один из главных персонажей фильма А. Невзорова «Чистилище».

Снова задушевные беседы

- Иван Семенович! Хреновые дела у нас!
- Ох, Рома... Опять напортачили? Знаешь, мне уже надоело.
- Да послушайте же... Мы отыскиали Степнову.
- Это как раз неплохо.
- Мои ребята только что засекли ее. Правда, чисто случайно. Она в городе.
- Не обознались?
- Да нет, точно она! И одета так же...
- И что?
- Она не одна. Выходит, все же оказались у нее здесь связи, а может, и сообщники. По крайней мере один...
- Рома! Давай по существу, коротко и ясно: кто, что, где!
- Ну дайте договорить, в самом деле... Ребята засекли ее случайно, на улице Передвижников, где раньше кинотеатр был. Она выходила из машины, серебристого «Мерседеса», вместе с каким-то чуваком. Оба вошли в дом 4, на той же улице Передвижников. Ребята проводили до квартиры...
- Если твоих ребят не «засекли», все не так уж хреново... Чья квартира?
- Квартира принадлежит Екатерине Петровой, 1969 года рождения, по профессии фельдшер «Скорой помощи», из семьи главврача Первой городской клинической больницы. Замужем вторым браком, ныне находится во Франции вместе с мужем, сотрудником диппредставительства.
- Дипломат в штатском?
- Не исключено... Хотя думаю, что Петрова и ее теперешний супруг здесь ни при чем. По словам соседей, квартирой иногда пользуется ее бывший муж, некто Игорь Зимин.
- Интересное кино! По какому праву? И кто он такой, этот Зимин?
- По какому праву – не знаю, соседи не в курсе. А Зимин – военный, капитан, похоже, что ВДВ, соседи в знаках различия секут не очень. Это пока все, что удалось выяснить, но ребята работают, к вечеру будем знать больше.
- Постой, постой! Я вспомнил: это ведь тот придурок, которого представили к Герою, но потом так и не дали. Он тогда набил морду одному известному журналюге... Фамилию забыл, в «ящике» он мелькает почти ежедневно...
- Да, я тоже припоминаю, была такая история... Между прочим, я бы тоже при случае этому журналюге навесил. Но не о нем речь.
- Вот именно. А как этот Зимин с нашей кралей встретился? Они что, раньше были знакомы?
- Не знаю пока. Попытаемся выяснить.
- А с ее героическим батяней Зимин не был знаком? Не пересекались?
- Ну вы, Иван Семенович, от меня требуете, как от целого отдела славного КГБ. Вообще, конечно, они могли пересечься где-нибудь, да в той же Чечне хотя бы. Но фактов у меня нет, и времени тоже не было. Если хотите, я этим вопросом займусь, тогда нужно больше людей и соответственно бабок.
- Вот что, Роман. Выяснять, что, где и как – дело муторное и долгое. А у нас времени в обрез. Нужно нанести Зимину дружественный визит и выяснить все в теплой товарищеской обстановке. Ты меня понял?

...Начальник службы безопасности Клименко деликатно постучал в дверь гостиной, выждал пару секунд, приоткрыл ее и нарисовался в дверном проеме.

– Миша? Ну что у тебя? – Егор Альбертович, дремавший в глубоком, уютном кресле перед видеодвойкой с огромным экраном, даже не обернулся. Звук был выключен – то, что происходило на экране, в звуковом сопровождении не нуждалось, однако нынче это развеселое действо не увлекало депутата-мецената. Сегодняшний день у него был перенасыщен: презентация нового политического движения «Правый путь», переговоры с другими депутатами-меценатами, ужин в ресторане «Арбатские ворота»...

– Есть новости. – Клименко, как и подобает отставному чекисту, был сдержан, невозмутим, но напорист.

– Давай завтра, а? Я что-то подустал, надо еще закончить программную статью для «Столичных новостей»...

– Новости от Ивана Семеновича, он позвонил только что.

– Другое дело. Садись, рассказывай. – Кононов выбрался из кресла и пересел к столу.

– Эх, Кляров, Кляров... Не на ту лошадку мы тогда поставили, а, Миша? – Доклад Клименко мало обрадовал Егора Альбертовича, он опять почувствовал усталость.

Кононов хорошо помнил эпизод в Камышинской дивизии, когда Клярова, находившегося там в инспекторской поездке, чуть было не взорвал старый идиот Степнов. Теперь у генерала аналогичная поездка в Пятую бригаду ВДВ, а за ним по пятам идет сумасшедшая доченька покойного майора... Миша посоветовал обратиться к Ивану Семеновичу, тот обычно подобные проблемы решал кардинально и чисто, да только на этот раз что-то не заладилось.

Миша разволновался и дал волю своей фантазии, представив себе в ярких красках, чем может закончиться попытка девчонки свести счеты с генералом: будь она одна, ее, конечно, перехватили бы еще на дальних подступах, и дело скорее всего удалось бы замять. Однако, как доложил Иван Семеныч, у нее появился возможный сообщник из числа офицеров ВДВ, а это уже куда серьезнее.

– Ну и что? – Егор Альбертович встревожился, хотя виду не подал и постарался снять Мишину нервозность. – Отмажется как-нибудь наш Кляров, если, конечно, уцелеет. Ну а не уцелеет...

– Да, это будет печально, но...

Некоторое время оба посидели молча. И каждый прекрасно знал, о чем думает другой. Оба были современными, деловыми и к тому же весьма неглупыми людьми.

– Ты считаешь... – Кононов первый сдался в этой игре в молчанку, однако Михаил тут же перебил его:

– Я всего лишь начальник службы безопасности, Егор Альбертович. У вас есть светлая голова, ваш помощник для особых поручений господин Кохан. Посоветуйтесь с ним... Петр Петрович давно закончил свою сценическую деятельность. Лучшие роли сыграны, впереди забвение, и это еще самое лучшее, что ему светит. Могут случиться и неприятности, а то и публичный позор...

– Перестань, Миша, – перебил его хозяин. – Я знаю, что ты змей тот еще. Иезуит!

– Что поделаешь, работа такая, – развел руками Клименко и тут же задал главный вопрос: – Вы сами позвоните нашей новой знакомой?

– Я думаю, у тебя это получится лучше...

...– Рита? Извините, что в такое время. Это Михаил Сергеевич. Срочный заказ. Жду вас в девять ноль-ноль на нашем старом месте. Работать придется за пределами Московской области. Подготовьтесь, пожалуйста.

Вытерев рукавом халата вспотевший лоб, Егор Альбертович вернулся к ноутбуку. Свою статью он закончил следующими словами:

«И сегодня, потеряв всякий стыд и совесть, коммунисты и их приспешники в виде ура-патриотов всех мастей снова жаждут реванша, рвутся к власти! Миллионы загубленных душ, голод тридцатых, ГУЛАГ, „кукурузная революция“ и застой, Афганистан, Чернобыль...

Это мы уже проходили. Не выйдет, дорогие «товарищи»! Люди доброй воли! Настало время объединения! Поддержите на предстоящих парламентских выборах избирательный блок «Правый путь» – партию правды и чести!»

Кононов закончил и еще раз перечитал написанное. Подойдя к встроенному бару, он налил себе полрюмки марочного коньяка «Армения». Еще пару недель назад он пил этот коньяк с Петром Петровичем Кляровым. Генерал говорил тогда: «Хорошо сидим! Дай бог не последний раз!» Последний, Петр Петрович... Последний.

– Владимир Михайлович, бойцы из Роминой бригады кучкуются на улице Передвижников, во дворе дома номер четыре. При этом соблюдают правила маскировки.

– А ты откуда звонишь?

– Да я рядом с вами, напротив почтамта.

– Давай ко мне и залезай в машину. Придется ехать туда.

Через десяток минут микроавтобус тронулся в путь, Борис сидел рядом с шефом, который устроился за рулем.

– Выследили Татьяну? – спросил Владимир Михайлович, уверенно лавируя по переулкам. Он решил выехать к улице Передвижников проходными дворами. Так было быстрее.

– Похоже, что так, но точно не могу сказать, – ответил Борис и после паузы добавил: – Боюсь, в случае чего вдвоем нам с ними не совладать – их там четверо или пятеро, и на вид ребята серьезные...

– Так нам вроде не впервой, Борис, – успокоил молодого товарища Михалыч.

– Почему все-таки вы своих не можете поднять? – неожиданно задал вопрос Боря. – Вашим волкодавам при таком раскладе все карты в руки...

– Боря! – жестко оборвал парня Михалыч. – Мы же договорились: работаем вдвоем – только ты и я! По-другому сейчас нельзя. Впрочем, ты можешь отказаться, хоть сейчас.

– Не понял? – Тонкие брови Бориса поползли вверх.

– Ты ведь официально мне не подчинен. Никакой подписки ты не давал. Высажу тебя, вон рядом с «Детским миром», и всего хорошего, без обид...

– Скажете тоже... – Парень обиженно мотнул головой.

– Ну тогда кончили об этом! И не задавай глупых вопросов. Я же тебя к твоим не прошу обращаться...

– Фью-у-у! К моим! И речи быть не может – по причине полного несоответствия умонастроений.

– Ну вот! И я к своим не могу обратиться примерно по той же самой причине.

Микроавтобус неспешно въехал на улицу Передвижников.

Обыкновенная история (Игорь Зимин)

Есть такое ремесло – родину продавать. И кое-кто оттачивает это ремесло до совершенства.

– Кляров и его команда погубили всю нашу семью, – негромко начала свой рассказ Таня. – После того как отец вернулся из Афганистана (а было это в середине 1988-го), мы переехали в Камышинск-2. Отец получил назначение в дивизию ВДВ в качестве командира батальона и готовился поступать в Академию имени Фрунзе.

Я тогда в первый класс пошла. Мы жили вчетвером – мама, отец, я и моя младшая сестра Оля. Она была младше меня на два года. Мы так хорошо устроились, и те первые два года я вспоминаю как самое счастливое время в моей жизни. А потом начался ад! Заболела Оля... Врачи обнаружили какое-то редкое заболевание крови, возможно, связанное с резкой переменой климата (до Камышинска мы жили в Термезе). В течение трех лет куда мы только не обращались, но ей становилось все хуже. Единственное, что могло бы дать шанс, – это срочная операция, но делали такие операции только в ФРГ.

И этот шанс был мизерный – операция вела к стойкому излечению в одном случае из десяти, в остальных только более или менее длительная отсрочка летального исхода. Однако сумма, которую надо было заплатить в немецкой клинике, подкосила нас окончательно. Таких денег мы не могли бы заработать даже за двадцать лет.

А тут наступили новые времена, у отца на службе начались невыплаты жалованья и пайковых. Мама работала на двух работах, а мне пришлось переводиться в вечернюю школу, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Оля угасала на наших глазах...

Отец стал приходить со службы пьяным. Раньше он никогда себе этого не позволял. А в конце девяносто третьего на него возбудили уголовное дело и посадили в тюрьму... Это случилось после октябрьских событий в Москве. Отец тогда боготворил Руцкого и Ачалова и, узнав о блокаде «Белого дома» в Москве, самовольно оставил часть, захватил с собой личное оружие, пробрался в осажденный парламент...

...Воспоминания Татьяны о девяносто третьем ударили меня сильнее всего. Я тогда был с другой стороны! Хотя крови на мне или моих ребятах нет. В те дни мы старались поддерживать порядок в столице. Нас туда швырнули неожиданно, сообщив только, что пол-Москвы залито кровью, а коммуно-фашисты с минуты на минуту возьмут Кремль. К политикам мы относились брезгливо, не пытаясь различать их по мастям, поскольку они их легко меняли. Кстати говоря, из бригады меня тогда поперли из-за недостаточной «боевой инициативы» в борьбе с «красно-коричневыми» и «возможных симпатий» к ним (хотя мне было плевать и на тех и на других). Так и было сформулировано. Кантовался около года где попало, потом восстановили – спецнами вроде меня не бросаются.

...– И отец оказался в тюрьме. Тут-то и появились эти мерзавцы Кляров и Кукишин с Травкиным из отдела военной контрразведки. Они вытащили отца из тюрьмы и замяли дело. Сообщили, что майор Степнов действовал по личному заданию генерала Клярова, был заслан в «тыл врага». Сделали из гвардии майора защитника президента и демократии! Хорошо еще, медаль не повесили, отец бы испсиховался...

Самое главное – эти уроды пообещали доллары для спасения Оли. От отца потребовалась сушая мелочь – перегнать пару автокараванов. Первый – в Таджикистан, второй – в Чечню. Они обещали отправить Олю с мамой в Германию сразу, как только уйдет второй караван. И отец согласился, не вникая в детали, которые, как ему было твердо сказано, его не касались.

Оля умерла за два дня до возвращения отца из второго рейса – они и не подумали отправлять ее и маму в ФРГ до его возвращения. Можешь себе представить, что мы пережили в эти дни? Отец, вернувшись, тут же бросился в особый отдел, к Травкину. Тот спокойно, в присутствии подчиненных разъяснил: Андрею Константиновичу не следует забывать, что у него есть еще одна дочь, то есть я. И здоровье дочери теперь зависит исключительно от разумного поведения папаши. В конце разговора Травкин и Кукшин выразили соболезнование, пообещав выплатить обещанную сумму в самое ближайшее время.

Отец отказался от денег... А через пару недель добровольно отправился в Чечню. Провоевал там около шести месяцев. Когда вернулся, снова начал пить. Орал на маму и на меня, запирался в своей комнате и не выходил оттуда по нескольку часов. Мог не разговаривать с нами целый день, а то и два. Потом его выгнали из армии. Он слонялся по городу, выпивал в случайных компаниях, иногда дрался и попадал в милицию. А Кукшин и Травкин постоянно справлялись у отца о моем здоровье и желали счастья в личной жизни... И, наконец, вот...

Открыв трясущимися руками сумочку, Таня вытащила оттуда сложенную вдвое газетную вырезку из «Криминальной хроники».

– Читай сам... – Она протянула мне статью, а сама отвернулась, закрыв лицо носовым платком.

В статье рассказывалось о том, как бывший майор-десантник Степнов, выгнанный из Вооруженных Сил за пьянство, пробрался на территорию воинской части, устроил стрельбу и пытался взять в заложники военнослужащих. В ходе операции по его обезвреживанию покончил с собой.

– Я слышал эту историю... – Что еще я мог сказать?

Тем временем Таня привела себя в порядок. Она совсем не была похожа на наглую, матерящуюся баскетболистку-террористку, с которой я познакомился несколько часов назад.

– Мама сейчас в больнице. Врачи говорят, у нее нервный кризис... А я нашла отцовский пистолет и стала разыскивать Клярова. Он, Травкин и Кукшин продолжают торговать оружием. – Ее голос зазвучал по-другому, карие глаза были сухими. – Ты ведь знаешь, сейчас расформируются многие воинские части...

– И много неучтенного железа уходит в неизвестном направлении, – закончил я фразу. – Слышал об этом...

– В том-то и дело, что в известном! – Таня даже немного привстала. – Оно уходит к бандам террористов, давно уже объявившим России войну. И наших ребят убивают из нашего же оружия!

– Ты знаешь конкретные факты? – Я весь напрягся.

– Ох, Игорь... Я так устала. Я многое знаю, только давай продолжим разговор завтра. Если тебе он, конечно, интересен...

– Завтра так завтра. – По правде сказать, у меня самого гудела голова. – Можешь принять ванну и укладываться на кровати в спальне. А я буду спать здесь, на диване...

Раздавшийся длинный, пронзительный звонок в дверь мгновенно меня разбудил.

– Кто это? – крикнула из спальни Татьяна, пока я, натягивая брюки, двигался по коридору.

– Сейчас узнаем, не бойся, – успокоил я ее и подошел к двери.

Через дверной «глазок» я разглядел двух крепких ребят, один из которых был в милицмейской форме.

– В чем дело? – спросил я через дверь.

– Игорь Васильевич, откройте, пожалуйста. Это милиция, – услышал я стандартный в таких случаях ответ.

– А что вы хотите? – Я продолжил сбор разведданных.

– Зимин! Мы требуем, чтобы вы немедленно открыли! Иначе мы сломаем вашу дверь! Нам нужно срочно с вами поговорить.

Ситуация! Дверь у Катюши, моей бывшей супружницы, хлипкая. Эти бугаи высадят ее парой ударов. Я бы, пожалуй, высадил и одним... Занять оборону? У меня ведь есть чем их встретить... А вдруг это действительно менты? Тогда у меня могут возникнуть серьезные неприятности. Придется впустить стражей порядка... Хотя и очень не хочется!

Меня тут же оттеснили в сторону, и коридор быстро наполнился молодыми людьми – четыре человека, многовато...

– Не делайте резких движений, Игорь Васильевич, – предупредил меня старший, с капитанскими погонами. – Иначе мы вынуждены будем применить спецсредства, а в случае необходимости – и оружие.

Таня забилась в угол двуспальной кровати, до подбородка укрывшись одеялом.

– Кто это? – указал на девушку капитан милиции.

– Это моя знакомая, – как можно спокойнее ответил я, пытаюсь спрогнозировать дальнейшие действия. Как этой команды, так и свои. – А что происходит? Объясните, пожалуйста...

– Девушка, одевайтесь, – приказал Татьяне милиционер. – Вам обоим надо проехать с нами в городское управление внутренних дел. – Он повернулся ко мне: – Там мы вам все и объясним!

– Хорошо! – невозмутимо, почти дружелюбно кивнул я. – Одевайся, Танюша... Ничего не поделаешь! – Я тянул время, пытаюсь понять, кто эти люди и что им нужно. – А на документы ваши можно взглянуть? – Этот вопрос я адресовал капитану.

– Да, пожалуйста! Попросили бы сразу. – Офицер небрежно распахнул перед моим лицом красную книжицу.

Вот теперь мне все стало ясно!

...В середине девяносто пятого брали мы в Чечне селение Ткачшли (язык сломаешь!). Там в моей команде, помимо десантуры, оказались несколько мужиков из СОБРа МВД. С одним из них, Васей Евграфовым, мы сдружились. Как-то перед боем он сдавал свои документы эмвэдэшному начальству и окликнул меня.

– Вот, Игорек, обрати внимание! – развернул он тогда передо мной удостоверение с фотокарточкой. – И запомни, в будущем может пригодиться... На фото в ментовском удостоверении сотрудник обязательно должен быть в форме, и чтобы погоны были видны целиком. Разумеется, звездочек должно быть столько, сколько написано. Всегда обращай на это внимание! А то сейчас много всяких бандюков под нас работает...

Я тогда это запомнил и сейчас мысленно поблагодарил Васю Евграфова. Люди, находившиеся рядом со мной, ментами не являлись. Капитан милиции Прохоров (так он именовался в удостоверении) красовался на фото в темном пиджаке с клетчатым галстуком. Итак, эти ребята не менты... Они хотят увезти Татьяну и меня (я, похоже, иду как довесок). Куда, интересно? И зачем? Получить ответы на эти вопросы мне предстояло в ближайшие минуты – иного выхода не было.

Правда, их многовато. Четверо на одного... Ну ничего! Они успокоены моим дружелюбным тоном ничего не подозревающего придурка и форсировать силовой вариант не собираются.

Что ж, ребята... вы пришли взять сыр, не подумав, что за него придется платить... Вы сами выбрали себе такую работу, я вас не заставлял, теперь не обижайтесь, если что не так...

Замах рублевый

- Заходят в подъезд. Проводить?
- Не торопись, Боря. Тебе пока засвечиваться необязательно.
- Могли бы выяснить, куда они идут.
- Нам это ничего не даст.
- Почему?
- Объясняю: по нашим предположениям, они выследили Татьяну Степнову и сейчас идут на ее захват. Пока это наши предположения. Степнову мы еще не видели.
- Когда увидим, поздно будет.
- Не думаю. Убивать они ее сразу не будут, ты сам слышал их разговор. Если Татьяна действительно в этом доме, ее попытаются вывезти в надежное место, чтобы побеседовать по душам на соответствующем уровне.
- Пытать будут?
- Не исключено... Однако для этого девушку надо вывезти отсюда. Так они и должны действовать.
- А если они возьмутся за нее прямо здесь? В квартире?
- Маловероятно, хотя исключать нельзя.
- Тогда что же...
- Борис, успокойся! Если через десять минут никто не появится из подъезда, пойдем выяснять обстановку. За это время ничего страшного с девушкой сделать не успеют. Они ведь прессинговать будут по делу, а не из любви к искусству – если будут вообще. А на это нужно время. И, еще раз повторяю, это маловероятно – тот, кто их послал, скорее всего деликатную работу будет делать сам или поручит более деликатным исполнителям.
- Логика у вас железная, Владимир Михайлович... Все правильно, светиться при этом раскладе нет смысла.

Разведка боем (Игорь Зимин)

– Девушка будет одеваться в нашем присутствии, – сообщил мне липовый капитан Прохоров.

– Хорошо... – пожав плечами, смущенно ответил я и стал убирать со стола посуду. – Ничего не поделаешь, Танюша... – Я повернулся к девушке, стараясь не смотреть ей в лицо. Голос у меня был робким, почти испуганным. – С конторой не спорят...

– Вот именно, – удовлетворенно хмыкнул липовый мент. Он не сумел сдержать торжествующей улыбки.

Лица и позы остальных «оперов» стали непринужденнее. Все же я неплохой актер! И чего я не подался в театральное?

– Вы не волнуйтесь, – ухмыляясь, произнес «капитан».

– Да ничего... – Пожав плечами, я сделал шаг в сторону...

В то же мгновение «капитан» согнулся пополам от моего хлесткого удара в пах носком правой ноги, а левое колено не менее жестко встретило капитанский подбородок. Лбу «опера», стоявшего в дверях, досталось не меньше. Пущенная с вращением, как диск на стадионе, стопка из трех фарфоровых тарелок подкосила бугая, точно кеглю. Остались двое по бокам. На мою удачу они не были серьезными специалистами в подобных переделках и посему ринулись на меня с опозданием. Я легко уклонился от правого, поднырнул под левого, одновременно вырубив его ударом в печень. Бесчувственное тело завалилось на «коллегу», тот оказался тугодумом и машинально попытался это тело поддержать. Доброе дело не осталось безнаказанным: не суетясь, я отключил последнего оставшегося на ногах псевдоопера рубящим ударом ребра ладони под сонную артерию. Вот так, господа-товарищи-граждане! На все про все – меньше пяти секунд.

– Браво, капитан! – Нормальная реакция нормальной диверсантки. Она стояла возле кровати в одних трусиках, непринужденно разглядывая поле битвы. В другой ситуации ее наряд был бы вполне уместен в этой комнате, и возражений по этому поводу у меня бы не возникло, скорее наоборот. Сейчас же была дорога каждая секунда.

– Одевайся, – коротко распорядился я. – И отойди подальше от этих...

– А вдруг они действительно из милиции? – Свой идиотский вопрос Татьяна задала, застегивая лифчик.

– Нет, – возразил я, стаскивая громоздкие тела в угол. – А вот откуда они на самом деле, я сейчас выясню.

– Так, Боря! Кажется, засек – четвертый этаж, третье окно от левого угла. – Владимир Михайлович опустил бинокль. – Там за занавесками либо рок танцуют, либо банальную драку устроили...

– Рок танцуют в семь утра?

– Придется идти, Борис... Действуем по варианту «активная разведка».

– Стрелять на поражение?

– В крайнем случае и только по конечностям.

– Там уж как сложится... Вы бронежилет наденете?

– Я – нет... А ты застегнись!

Два «ПМ»⁸, «глок» и «ческа збройовка». «Глок» был у «капитана». Я аккуратно разложил стволы на полированной поверхности серванта, на почтительном удалении от начавших ворочаться туш. Сам я держал наготове степновский «ТТ».

– Дай и мне что-нибудь. – Одевшаяся Татьяна потянула нежную хрупкую ручку к серванту.

– Оружие для детей не игрушка! – не очень-то любезно отстранил я ее. Девчонка на взводе, хоть и держится молодцом. Давать ей пушку я погожу. Еще меня подстрелит по неопытности...

Она поджала губы, и в этот момент снова раздался дверной звонок.

– Подойди к двери и посмотри в «глазок», – скомандовал я девушке. – Потом спроси, что надо... А вы... лицом вниз, руки за голову, как учили... – Я повернул ствол «ТТ» в сторону приходящих в сознание лжементов. – Лежать смирно! Один возникнет – всех расстреляю!

Говорил я тихо (чтобы не было слышно за входной дверью), зато убедительно. «Брать на голос» нас учили в центре спецподготовки так же серьезно, как и рукопашному бою. Ребята, кто оклемался, с трудом, но старательно завозились, принимая классические позы задержанных после оказания сопротивления...

– Что вам нужно?

Я усмехнулся: голос у Татьяны звучал спокойно и недовольно, совершенно естественно для человека, неожиданно разбуженного ранним утром. То, что она увидела в «глазок», видимо, ее не взволновало.

– Поговорить нужно! Я ваш сосед снизу. – Сквозь фанерную дверь я отчетливо слышал громкий, раздраженный мужской голос.

– Зачем? – Татьяна вела свою роль как по нотам.

– А затем, что я сейчас милицию вызову! – еще громче зазвучал за дверью недовольный голос. – В полседьмого утра такой шум устроили, спать не даете. Драка у вас там или мебель передвигаете? Совесть потеряли!

– Что делать? Ты знаешь этого соседа? Голос знакомый? – спросила меня Таня, отойдя на пару шагов от двери.

– Не пойму. Голос вроде знакомый, а самого не припоминаю, – ответил я. Последнее время я здесь бывал редко, может, и в самом деле это новый сосед снизу. А пошумели мы основательно. После такой «игры в кегли» сосед в самом деле мог потерять утренний сон.

– Таня, открой дверь, но в квартиру не впускай, извинись и вежливо выпроводи товарища. А то он действительно милицию вызовет...

– Извините, пожалуйста, мы с Игорем здесь немного поскандалили, но уже помирились! – Татьяна говорила непринужденным, игривым тоном. Молодец девка! Она оставила дверь на цепочке, загородив собой открывшуюся щель. Я краем глаза уловил только, что мужчина невысокий, в джинсах.

– Однако и привычки же у вас... Сводить счета в шесть утра, – обескураженно произнес мужчина. (Нет, все-таки сосед – что-то в нем было знакомое, голос, что ли.) – А могу я поговорить с вашим э-э-э... с Игорем? – Он пытался разглядеть что-либо в дверной щели. Татьяна «закрыла амбразуру» еще плотнее.

– Он сейчас принимает душ... Охлаждается! – добавила она погромче, чтобы я, «сидящий в душе», услышал и устыдился. Мои подопечные уже оклемались, однако лежали тихо,

⁸ «ПМ» – пистолет Макарова.

как кролики, даже не шевелились, из чего я заключил, что им совсем не хочется, чтобы вызывали милицию.

Неожиданно «сосед» перешел почти на шепот, и я не мог разобрать, что он там бормочет. Ответ Татьяны прозвучал тише и как-то мягче, чем раньше:

– Нет... вы напрасно беспокоитесь! – Она быстрым движением запахнула поплотнее халат и отстранилась назад, собираясь захлопнуть дверь. – У нас все в порядке! Еще раз приносим вам свои извинения! Спокойной ночи! Точнее, спокойного утра!

– Тогда всего хорошего... Постарайтесь больше не шуметь, а то ведь можно подумать черт знает что! – Это уже громко, в полный голос.

Дверь захлопнулась.

– Ушел, – сообщила Таня, запирая дверь на засов. – Знаешь, мне он показался странным немного. Во всяком случае, слишком чуткий и сообразительный для обычного соседа. Он подозревал, что ты или еще кто-то держит меня на мушке и я говорю то, что мне приказано. Шепотом просил подать какой-нибудь знак. Но все-таки... Похоже, действительно сосед. Одет в джинсы, майку и кроссовки. Один... Спустился вниз, гремел ключами и хлопнул дверью.

– Ерунда какая-то! – начал разговор Владимир Михайлович, как только они с Борей вернулись в микроавтобус. – Татьяна Андреевна Степнова собственной персоной, живая и здоровая... По-моему, говорила со мной неискренне, однако покидать квартиру не собиралась, я пытался спровоцировать...

– Да, я тоже ничего не могу понять... – Борис был ошарашен еще больше своего руководителя.

– Интересно, куда могли подеваться четверо бойцов...

– Взяты в плен?..

– Ага. Восемнадцатилетней девушкой! Надо быстро выяснить, кому эта квартира принадлежит и кто такой Игорь, которого я должен бы знать как сосед. Возможно, кое-что и прояснится... Так, Борис. Давай звони в справочное, используй наш код, попроси выяснить, кому принадлежит эта квартира, номер ты запомнил? Хорошо. А я пока буду продолжать наблюдение. Итак, снова первый вариант – пассивная разведка.

– Чувствую, активная тоже предстоит...

– Значит, так, герои! То, что вы никакая не милиция, я уверен на все сто! Советую говорить правду. – Я выдержал паузу, разглядывая плененных врагов. В результате моих действий они были не очень-то боеспособны. Во-первых, двое получили по сотрясению мозга, одна раскроенная башка (к счастью, несильно – черепок у того, который попал под тарелочный залп, оказался тверже фарфора). Во-вторых, пары изъятых наручников вполне хватило, чтобы предотвратить возможные геройские порывы: по моей настоятельной просьбе ребята сами приковали себя друг к другу попарно – правую руку к левой ноге соседа.

– Что вам нужно было от меня и от моей дамы? – задал я главный вопрос.

– Так, поговорить кое о чем, – сдавленно пробормотал «капитан».

– Конкретнее! – снова взял я «на голос».

– Да от тебя ничего не нужно! – поспешно разъяснил «мент». – Нам с подружкой твоей велено было разобраться... Задолжала она кое-что серьезным людям, а отдавать не хочет. Вот мы и хотели ее убедить...

– И что же вам, серьезным людям, должна Татьяна Андреевна?

– Нам ничего. А вот другим серьезным людям – немало...

– Кончай про серьезных людей! Меня на дешевый понт не возьмешь!

– Слушай, ты, Рэмбо... – Голос «мента» зазвучал наглее и уверенней.

– Так ты крутой, да? Смотри, застрелю, я не люблю крутых не в меру! – Я наставил на него ствол «ТТ». – Я тебе не Рэмбо, а Зимин Игорь Васильевич... Это ты и сам знаешь. С фальшивыми документами милиции силой проник в мою квартиру во главе банды отморожков, и я, допустим, в порядке самозащиты применил оружие. Ты сечешь ситуацию? Отвечай по сути дела, или я буду спрашивать по-другому. Я умею, поверь, дорогой.

– Дурак ты, Игорь Васильевич... – угрюмо и досадливо произнес «капитан». – Ну отвечу я тебе, отвечу! Не заводись... Твоя подруга должна вернуть кое-какие бумаги и фотографии...

– Марающие честь многих достойных людей? И даже некоторых генералов? – Я решил показать, что за дурака меня держать не надо.

– Ох, Зимин... Много знаешь... Для здоровья это вредно, я, например, знаю куда меньше и доволен, мне это знание ни к чему...

Дело говорит. И звание дурака я только что подтвердил еще раз. Не о том я спрашиваю, вернее, не у него надо спрашивать – это не его ума дело.

– Слушай, философ-самоучка! Раз ты такой темный, что с тебя возьмешь... Придется выходить на твоих «серьезных людей». Давай-ка мне быстренько их телефон.

– Ну совсем идиот! – злобно прошипел псевдомент, кажется, теперь я достал его по настоящему. – А впрочем, звони, если так приспичило, – ухмыльнулся он. – Звони на свою тощую задницу... Тебе бы смываться со своей кралей, пока не поздно, а ты в прокурора играешь... Сейчас тебе дадут прокурора. Пиши телефон...

– А как звать-величать серьезного человека?

– Иван Семенович.

– Фамилия, должность?

– Он тебе сам скажет!

– Алло, Иван Семенович?

– Кто говорит?

– Игорь.

– Какой Игорь?

– Игорь Зимин. К которому вы прислали своих бойцов...

– Вот как? Дай трубку старшему группы, с тобой я потом поговорю.

– Старший группы что-то плох и подойти не может... Остальные тоже неважно себя чувствуют. Считайте, я один в строю.

Иван Семенович молчал полминуты, однако ситуацию просек правильно.

– Они живы?

– Да... Я хочу поговорить о главном: зачем вы все это затеяли и что будем делать дальше.

– Ишь ты, какой любопытный... – Еще пауза, на этот раз гораздо короче. – Ну хорошо. Жди через двадцать минут. Раз уж ты так хочешь, поговорим о главном...

Парламентер (Игорь Зимин)

«...Штирлиц купил ведро раков, долил воды и поставил ведро на горелку. Через некоторое время раки стали красными. „Наши!“ – обрадовался Штирлиц».

Хороший анекдот. Смешной. Вот и я сейчас сижу, как Штирлиц, и мои раки скоро окончательно покраснеют. Только мне почему-то не до смеха... Обездвиженные мною ребята молчали, не торопились начать беседу и Татьяна. Просто сидела на диване, забившись в угол и подобрав под себя ноги. Мы ждали визита «серьезного человека» по имени Иван Семенович.

К визиту «серьезного человека» я подготовился основательно – в случае необходимости был готов бить сразу с двух рук – из «ТТ» и трофейного «глока». Плюс боевое мачете «Тайга-1» – им можно снести голову противника с одного замаха. Ну и «психотропное» оружие – противотанковая граната без боевого запала.

– Что ты собираешься делать? – Татьяна явно хотела поучаствовать или по крайней мере дать полезный совет.

– Провести переговоры и, возможно, заключить пакт о ненападении...

– И чем ты собираешься платить за ненападение? Или надеешься на миролюбие и благородство серьезных людей?

– Не особо... Предлагаешь вызвать милицию? Давай. – Я потянулся к телефонной трубке.

– Бесполезно, – махнула рукой девушка, отвернувшись к зашторенному окну.

Мы с ней, оказывается, оценили ситуацию одинаково. А может, она знала то, что неведомо мне.

– Возьми... – немного поколебавшись, я протянул ей пистолет Макарова. – Пользоваться умеешь?

– Не беспокойся... Пару серьезных людей положить успею! Или несерьезных... – Ее карие глаза зло блеснули в сторону наших пленников. Те приняли с моего молчаливого согласия более удобные позы, однако вели себя примерно.

Наконец в дверь позвонили. Пунктуальный мужчина Иван Семенович. Прибыл ровно через двадцать минут.

– Так, Боря, давай думать. Тебе сообщили, что хозяйка квартиры – Петрова Екатерина, замужняя, муж – иностранец, выехала к нему за рубеж на постоянное место жительства. Квартиру сохранила за собой, официально никому не сдала. Значит, квартира по идее должна пустовать. Что же получилось на самом деле? Могла хозяйка передать ключи Степновой? В принципе это возможно, но маловероятно. Более вероятны следующие ситуации. Первая: Степнова пришла к консенсусу с Ромой и его людьми, и вот они решили, что соседи и милиция для них – третьи лишние. Вторая ситуация: к моменту появления Ромы и его людей Степнова по своей или не по своей воле находилась в этой квартире не одна. Кроме нее, там были еще какие-то люди, силой оружия или убеждения нейтрализовавшие Рому и его людей...

– О-о-о, никак сам Логун?! – перебил вдруг Боря своего шефа и даже привстал, еще крепче вдавив окуляры бинокля себе под брови.

– Он самый. Ну и дела...

– Иван Семенович Логун лично приехал для встречи со Степновой... Я вообще ничего не понимаю.

– Да, Боря, ситуация становится все более занятой... Логун ведь чистоплюй. Потрошение⁹, мордобой, тем более «мокруха» – это не его жанр. Для этого имеется Рома, а Логун даже пассивно присутствовать при таких эксцессах побрезгует...

– А Рома и трое его бойцов исчезли!

– Как будто в воздухе растворились... Раз Логун здесь, стрельбы и трупов быть не должно. На повестке дня скорее дипломатическая акция. Только вот кто же вторая высокая договаривающаяся сторона?

– Степнова?

Ответить Владимир Михайлович не успел. В окошко микроавтобуса настойчиво забарабанили.

– В чем дело? – Владимир Михайлович опустил стекло и высунулся наружу. Перед ним стояли двое молодых мужчин в милицмейской форме.

– Здравствуйте, я лейтенант Сидоров, четвертое отделение милиции. Ваши документы? – Старший по званию действовал строго по правилам, видимо, был проинструктирован соответствующим образом.

– Пожалуйста, – без всякого энтузиазма Владимир Михайлович протянул специально изготовленную для подобных случаев ксиву.

– НПО «ЗооЭко»? Это типа «Гринпис»? – поинтересовался лейтенант, изучая документ.

– Не совсем, – так же вежливо ответил Владимир Михайлович. – Мы берем пробы воздуха, воды и почвы в городах и поселках области. Соответствующее разрешение имеется.

– Да, я вижу. Претензий к вам нет. – Лейтенант протянул удостоверение Владимиру Михайловичу. – Но... – Голос его зазвучал более жестко. – Я попрошу вас удалиться отсюда. На некоторое время, примерно часа на полтора. Здесь сейчас готовится спецоперация по организованной преступности, и ваша машина может дезориентировать сотрудников. К тому же не исключена стрельба, бандиты – народ непредсказуемый...

– Ничего, Борис. Отсюда даже лучше видно!

Оставив машину за три квартала от дома номер четыре по улице Передвижников, Владимир Михайлович и Боря устроились у слухового окна на чердаке соседнего дома. Перед подъездом дома № 4 неспешно прохаживался лейтенант Сидоров. Выезд на улицу был блокирован машиной ПМГ¹⁰ с несколькими бойцами.

– Разрешите войти, Игорь Васильевич?

На пороге стоял среднего роста крепкий мужчина лет сорока. Где-то я его уже видел. Надо быстрее вспоминать!

– Пожалуйста, Иван Семенович... – Я пропустил его в коридор, а Таня тут же предусмотрительно заперла дверь на ключ и на цепочку, да еще и приперла ее тумбочкой для обуви.

– Между прочим, я не вооружен! – Иван Семенович демонстративно вытянул руки ладонями вверх.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – указал я стволом пистолета на стул, – а руки положите на колени. Вот так, хорошо...

Гость послушно выполнял мои распоряжения. Кажется, он имел богатый опыт подобных встреч. Он бросил короткий взгляд на лжеоперов, неподвижно лежавших или сидевших с кислыми лицами.

⁹ Имеется в виду «форсированный» допрос с применением, например, физического или психотропного воздействия.

¹⁰ ПМГ – передвижная милицмейская группа.

– Грамотно работаете, капитан Зимин... Или вы уже майор?

– Увы...

– Да, хороших специалистов у нас не ценят... Даже в десанте. Вам ведь уже тридцать три?

– Так точно. Перейдем к делу.

– Давайте. – Он снова бросил взгляд на своих «орлов».

И тут я вспомнил: передо мной сидел не кто иной, как полковник милиции Логун из Горуправления внутренних дел. Он был заместителем начальника милиции по вопросам общественной безопасности и несколько раз приезжал в нашу войсковую часть для решения каких-то проблем с командованием бригады.

– Слушаю вас, полковник. – Я решил форсировать беседу.

– Ныне я частное лицо. Пару месяцев назад ушел в отставку по выслуге лет, – пояснил Иван Семенович. – Так вот, Игорь Васильевич...

Его большие водянистые, болотного оттенка глаза уперлись мне в лоб.

– Вы вроде взрослый человек, – тон его стал жестче, – а устроили какие-то игры в казаки-разбойники... Неужто детство в одном месте заиграло?

– А по-моему, это вы, Иван Семеныч, решили поиграть в сыщиков и воров. – Я постарался попасть ему в тон. – Нет того, чтобы обратиться к родной милиции... прислали переодетых налетчиков с фальшивыми удостоверениями и настоящим оружием. Это как, господин бывший полковник? Есть ведь свидетели...

– Да, Зимин, тебе палец в рот не клади. Отрастил зубки... – Полкаш несколько сбавил обороты. – Ну, тогда слушай, гвардеец! Сыщики-воры-казаки-разбойники и прочие подвижные игры закончены. Вас ведь обучали искусству выживания в экстремальных условиях? – неожиданно спросил он.

– Было такое дело.

– Учитывая специфику вашей профессии и то, что вы до сих пор живы и здоровы, – эта наука пошла на пользу. Сейчас вы оказались в очень сложном положении... Очень сложном. – Тут он сделал паузу, продолжая испытующе сверлить меня болотными очами.

– Да хватит вам ходить вокруг да около... Говорите короче, а то так до вечера будем сидеть.

– Если короче, Игорь Васильевич, то до вечера вы можете не дожить. И ваша новая подруга тоже...

– Вот это уже речь делового человека, – спокойным, удовлетворенным тоном произнес я.

– Вопрос упирается в вашу веселую подругу, Зимин. Мне неинтересно, как, где и когда вы с ней познакомились, неинтересны ваши взаимоотношения и планы на будущее... Татьяна Андреевна! – Болотные очи неожиданно переключились на девушку. – Я выражаю вам искреннее соболезнование...

– Прекратите... – тихо, но жестко осадил полкаша девушка, сейчас, впрочем, совсем не напоминавшая баскетболистку. – Я знаю, что вам нужно.

– А если знаете, то хватит ломать комедию! – уж совсем неожиданно рявкнул полкаш. Похоже, «брать на голос» он умел не хуже меня. – Я слишком долго церемонился с вами! А могу, между прочим, и...

– В данный момент вы ничего не можете! – Я резко перебил Логуну, решив поставить полкаша-лягаша на место. При этом угрожающе приподнял ствол в область его лба. – Даже если за дверью стоит Рома номер два со второй бригадой ваших костоломов и даже если они пустят в ход гранатометы, все равно первым умрете вы.

– Ну вот опять... – Полкаш снова превратился в доброго и мудрого наставника юных. – Ну я помру первым, вы – вторыми... Согласитесь, гораздо выгоднее договориться.

– Вот именно. Я рад, что вы это поняли. Я давно жду ваших предложений.

– Да эти предложения очевидны: Татьяна Андреевна, вы же знаете, что меня интересуют материалы, которые случайно попали к вам в руки и ничего, кроме неприятностей, вам не принесут. Избавьтесь от них, и руки останутся целы, и голова сохранится. А можно сделать так, что, избавившись от этих ненужных вам бумажек, вы станете заметно богаче и благополучнее. Причем решить этот вопрос мы можем прямо здесь, не откладывая. Как, договоримся, а?

– А вот хрен, урод плешивый! Еще богаче и благополучнее станешь ты со своими друзьями-подонками, а мне это не надо... – Танька снова превратилась в террористку-баскетболистку! – Между прочим, те материалы, которые вас и ваших друзей так волнуют... Они не здесь, они хранятся в надежном месте и в случае моей смерти моментально попадут в соответствующие органы, в печать и на телевидение! – Татьяна, кажется, брала инициативу в свои руки.

– Да вы совсем дурочка, Татьяна Андреевна! – Логун взмахнул руками, как в разговоре с малолеткой.

– Спокойно, Логун! – Я вновь поставил его на место. – Дама погорячилась, но вы ведь не дама. Не надо брэнчать нервами. А руки надо держать на коленях, я же вас просил!

– Не возражаю, Игорь Васильевич. – Полкаш вернул ладони в прежнее положение. – Но и нашей юной даме не следует горячиться! Послушайте, Татьяна Андреевна, вы же не в интернате воспитывались! Решили договариваться – предлагайте варианты, ставьте условия, советуйтесь друг с другом, наконец... Поймите, я ищу выход, удобный для всех. Вопрос можно решить только так...

– Давайте без риторики, полковник. Ближе к делу. Объясните Татьяне Андреевне, почему ее, да и моя жизнь будут в большей безопасности, когда материалы окажутся в ваших руках или исчезнут. Факты, доводы, доказательства. Мы вас слушаем.

– Факты и доказательства? Пожалуйста. Я еще раз повторяю: лишних трупов мы не хотим. Зачем они нам? Мы же не изверги какие-нибудь...

– Вы честные коммерсанты! Мне это известно. – Татьяна презрительно сощурилась.

– Вот именно... А ты, Таня, не в безвоздушном пространстве живешь... Круг твоих знакомых нам отлично известен.

– И что? – В карих глазах загорелся огонек тревоги.

– А то! – Логун торжествующе улыбнулся. – Вы оба хотите знать, какие рычаги я могу нажать, чтобы получить интересующие нас материалы. А вот какие! Мы займемся друзьями твоей семьи, Таня, твоими друзьями и подругами. Основательно займемся. Первые на очереди – Юлия Горелова, Володя Васильев... Кроме того, заранее проведем работу среди местной журналистской братии, напомним, чем кончается публикация клеветнических материалов против уважаемых людей... Дело это, конечно, хлопотное. Но ты сама не оставляешь нам иного выбора! Если надо будет, весь ваш Камышинск-2 на уши поставим. Представь себе, как ты после этого будешь выглядеть со своими, так сказать, разоблачениями. Тебе будет трудно их обнародовать, да и вообще трудно будет там жить – и тебе, и маме твоей тоже...

Таня подавленно молчала. Конечно, этой сволочи удобнее, чтобы Татьяна сама все отдала им.

Но Логун сам по себе ничего не решает, даром что отставной полкаш. Он сам «шестерит» на дядю. Потому заинтересован, чтобы все было чисто и гладко. Отдуваться-то ему! Татьяну они, может, и оставят в покое, забрав документы (хотя, я думаю, до поры до времени, до удобного случая). А вот меня... Слишком осведомленный капитан ВДВ с моим послужным списком им совсем ни к чему.

– Слушайте, Иван Семенович! – Я решил взять инициативу в свои руки. – Вы меня убедили: контора у вас серьезная, намерения тоже. Поэтому предлагаю тайм-аут. Забирайте своих бойцов, – я кивнул в сторону обездвиженной биомассы лжеоперов, – и оставьте нас на полчаса. Я попытаюсь уговорить Татьяну Андреевну.

– Входите в разум, Зимин? – Голос полкаша звучал недоверчиво. Похоже, он не ожидал такого заявления, думал, я буду хорохориться и дальше. – А я, пожалуй, соглашусь... Советуйтесь, голуби, совет вам да любовь... Только не мудрите, не надо держать меня за дурака, это вам дорого обойдется. Ну, отцепите ребят друг от друга и оружие верните, не надо сердить Рому и его людей.

Он опять наглед на глазах, этот полкаш, я чувствовал, что вежливость дается ему с трудом, внутри он весь кипит от унижения и злобы. Двоим нам теперь будет тесно на этом свете, и ошибаться мне нельзя.

– Ну вот, Иван Семеныч... вы опять увлеклись. Будет так: Таня освободит ребят по очереди. По мере освобождения они, держа руки за головой, как учили, быстро выйдут из квартиры – без оружия, разумеется. Вторая пара будет расцеплена после того, как первая окажется внизу, перед домом, и Таня увидит их в окно... Вы уйдете после того, как Таня увидит внизу вторую пару. И помните – я стреляю без предупреждения, как только мне почудится что-то не так. Все слышали? Оружие бойцов, Иван Семенович, я отдам лично вам по завершении нашей второй встречи – я надеюсь, она пройдет к обоюдному удовлетворению. Подойдете через полчаса к двери и постучите, Таня при этом должна видеть Рому и его команду внизу. Вопросы есть? Вопросов нет. Ну, Танечка, поехали. Слева по одному...

Процедура заняла не менее десяти минут, но в конце концов мы с Татьяной остались вдвоем. Враг ушел без потерь, несмотря на наше преимущество. А что еще оставалось делать? Конечно, при штурме квартиры у следующей бригады логунских бойцов возникли бы некоторые сложности. Тем не менее нам с Татьяной все равно долго не продержаться... В случае обострения они вызвали бы милицию под любым предлогом. И тогда – вооруженное сопротивление власти, а у власти окажутся наготове автоматы, спецсредства... Что толку, что я забрал бы с собой нескольких «шестерок». И что было бы с Татьяной? Нет, такая война нам не нужна. Попытаемся использовать временное перемирие...

– Слушай, Тань, мне непонятно... Как ты себе это представляла? Ну, допустим, пристрелила ты Клярова. Тебя или убьют на месте, или сразу посадят. А как же документы? Им же надо дать ход! Кто это должен был сделать?

– Я сама! Я хотела застрелить Клярова и уже потом, когда меня арестуют, обнародовать то, что удалось собрать отцу. Сказала бы следствию, где эти бумаги. Их бы изъяли, и все эти факты всплыли бы на процессе... Были бы опубликованы. И стало бы ясно, кто на самом деле во всем виноват!

– Дите... Ты наивней, чем мама в известном анекдоте. Эти бумаги скорее всего просто исчезли бы. А там хоть есть чего обнародовать?

– Дневники с подробным описанием всех их сделок, фамилии и адреса некоторых «партнеров», банковские реквизиты, фотографии.

– Не так уж много.

– Достаточно. Отец собирал все это не один год. И начал со своего первого автокарана в Чечню.

Некоторое время мы сидели молча... Выйти из дома нам вряд ли удастся... Позвонить в... А куда, собственно говоря? Я вовсе не хочу бросать тень на УВД или ФСБ, и все же, если там окажутся соратники Логуна и мое сообщение будет ими зафиксировано...

...Есть, правда, еще один выход – отдать Татьяну Логуну и его команде. Только кем ты, Игорь Васильевич, после этого будешь? Точнее – чем?

– Таня... – Я старался говорить спокойно, боялся, как бы девчонка не психанула. – Мы с тобой в сложной ситуации, поэтому ты должна во всем слушаться меня. – Я начал излагать девушке план боевых действий.

Время рубить концы

– Будем ждать! – Логун плюхнулся на заднее сиденье «Форда».

Неожиданно во двор въехали две иномарки.

– Что за дела? – удивился Иван Семенович. Его подручные недоуменно пожимали плечами.

Из подъехавшего лимузина вышел элегантно одетый молодой человек среднего роста и телосложения.

– Старый знакомый появился. Капитан Кукшин из военной контрразведки, – не отнимая оптики от глаз, комментировал ситуацию Владимир Михайлович. – Похоже, не зря мы здесь сидим – все основные фигуранты собираются в одном месте...

– Такие дела, Иван Семенович. – Кукшин уселся напротив Логуна. – Девку и этого гвардейца надо кончать.

– А компромат? – Логун был крайне удивлен.

– Я только что из Камышинска-2, – мило улыбнулся особист. – Нам сказочно повезло, Иван Семенович. Как мы и предполагали, бумаги, фотоматериалы и ксерокопии Татьяна Степнова отдала на хранение своей подруге Юлии Гореловой. В подробности, к нашему счастью, посвящать Горелову не стала. Юля – девица честная, терпеливо прождала четыре дня, а на пятый начала сильно беспокоиться. И, как подобает честной девице, отнесла все в военную контрразведку, лично мне, майору Кукшину.

– Ты уже майор? – изумился Иван Семенович.

Ни храбростью, ни талантами тридцатилетний Кукшин не блистал.

– Целых два дня! Так вот, я поблагодарил честную девицу и убедил никому ни о чем не рассказывать в интересах сохранения военной и государственной тайны.

– Действительно повезло, – устало выдохнул Логун. – И чего теперь?

– Пришла команда рубить концы!

– А шум и пыль?

– Нам приказано... С Москвой ведь не поспоришь!

– Так вот сразу и... рубить?

– Ничего! Я здесь, кстати говоря, специально для...

– Заметания следов?

– Можно сказать и так.

Некоторое время оба молчали.

– Где их? Если прямо в квартире, то шуму будет на весь город – у них там целый арсенал, и пользоваться им они умеют, – севшим голосом произнес наконец Иван Семенович.

– В квартире не стоит. Лучше выманить на нейтральную территорию... И уберите своих ментов. Они здесь больше не нужны... Позовете для составления протокола и осмотра трупов.

– Это верно... Сидоров! Забирай, лейтенант, свою команду... Мы теперь сами разберемся.

... – Так, ну вот и Татьяна Степнова, за ней Логун... А это еще кто? – Владимир Михайлович дернул головой, на мгновение оторвавшись от оптики. – Неужели... Да, точно!

– Что такое? – нетерпеливо поинтересовался Борис.

– Еще один старый знакомый! Некто Игорь Зимин, по прозвищу Гвардеец... И его появление в данный момент меня, прямо скажу, не радует.

– А кто такой этот Зимин?

– Да один... Как бы поточнее сказать... Капитан из здешней бригады ВДВ с нестандартным поведением и мышлением. Впрочем, неплохой парень... И я рад видеть его живым.

– Он со Степновой заодно?

– Выходит, что так. И, судя по всему, в квартире он находился вместе с нею. Он же нейтрализовал Рому с бойцами... Он такой. Теперь все становится на свои места. Они садятся в автомобиль... Давай быстро вниз!

Первый огневой контакт (Игорь Зимин)

– Это Иван Семенович! Вы приняли решение?

– Да... Заходите и присядьте.

Дверь была не заперта – я видел в окно, что Логун, побеседовав с Кукшиным, вошел в подъезд один. Полковник привычным движением уселся на стул, положив руки ладонями на колени. Грамотный стал, полкаш...

– Я слушаю вас, Зимин.

– Мы сейчас, все вместе, едем в Камышинск-2. Там, на месте, мы отдадим вам интересующие вас материалы...

– Вы в этом видите гарантии безопасности?

– Мы с Таней подумали и решили, что это единственный приемлемый для нас вариант... Жить, знаете ли, сильно хочется... – При моих последних словах Таня послушно кивнула, моргнув грустными глазами.

Некоторое время Логун, опустив глаза, сидел молча.

– Слушай, капитан, – неожиданно спросил он, не поднимая болотных очей, – а чего ты вообще влез в это дело?

– Так уж получилось... При случае объясню подробно, а сейчас некогда. Что скажете?

– Согласен. Придется ехать. Сдайте оружие...

– Оружие здесь, в этом чемоданчике, смотрите сами. Вы понесете его с собой. Но чемоданчик я запру и пристегну к вашей руке наручником. Вот так. Не беспокоит? Хорошо. И еще одно. Вдруг ваши друзья-снайперы захотят попасть в меня с крыши дома напротив? Это будет жестоко по отношению к вам тоже, потому что, смотрите сюда, у меня в руке будет граната с выдернутым кольцом. Поэтому в ваших интересах, чтобы я был вполне живой и спокойный. У вас, я вижу, мобильник. Очень кстати, сообщите о раскладе Роме и Кукшину, чтобы никакой самостоятельности.

Отключив одной рукой противоугонное устройство, я распахнул дверцу «мерса».

– Пожалуйста, Иван Семеныч... Нет, не сюда, прошу к штурвалу.

Немного поколебавшись, Логун уселся в водительское кресло. Его подручные стояли на почтительном расстоянии. Я не сомневался, что «почетный эскорт» нам обеспечен.

– Значит, так, Логун, – уже менее любезно произнес я, как только мы с Татьяной заняли два задних сиденья (плотно захлопнув дверцы и подняв стекла на окнах). – Попробуешь дернуться и выкинуть какой-нибудь трюк – останешься без башки! – Я угрожающе показывал перед его физиономией своим любимым боевым оружием – увесистым боевым мачете «Тайга-1». – Отрежу, как кусок масла! – нисколько не преувеличивая, пообещал я.

– Мы же договорились, – сдавленным голосом произнес он. – Но мои люди будут следовать за нами.

– Двигай, – перебил его я. – Переключатель скоростей автоматический, знай жми потихоньку, и осторожней на поворотах и колдобинах, второй такой тачки у меня больше никогда не будет...

Свой расчет я строил на том, что перед самым выездом из города мы оторвемся от «эскорта» и укроемся в... Но об этом чуть позже! Место отрыва я выбрал заранее – около кинотеатра «Чайка». Оно удобное для того, кто знает секрет этого пятачка (как я, например), и практически непроходимое для тех, кто секрета не знает. Конечно, риск большой – наверняка водители у них лихие и прекрасно знают наш городок...

И еще, мне нужно будет «отключить» Логуну, выкинуть его из машины, перехватить руль и на ходу перебраться на водительское сиденье...

– Где собираемся заночевать? До Камышинска-2 катить больше суток даже на этой тачке, – поинтересовался наконец Логун. Мы подъезжали к кинотеатру «Чайка».

Я не успел ответить, увидев совершенно неожиданную картину. Возле переулка, в который я собирался юркнуть и дворами уйти от преследователей, собралась огромная толпа народу. Стояли пожарные машины, две «Скорые», милиция. Видимо, очередное ДТП с тяжкими последствиями... Как же я не учел этого – на этом самом месте произошло уже не одно столкновение.

А может?.. Придется импровизировать в боевой обстановке.

– Глуши мотор, – приказал я Логуну.

Тот мгновенно повиновался, вид блестящей стали мачете действовал лучше всякого гипноза!

Что ж, с «мерсом» придется расстаться! Даст бог, на время... Попытаемся ускользнуть, воспользовавшись толпой и всеобщим замешательством. К тому же здесь полно милиции – стрелять логуновские бойцы не решатся...

Однако я недооценил их!

У «эскорта» были классные водители – в одно мгновение нас зажали в «коробочку» с двух сторон, по тактике спецопераций захвата. Очень грамотно! Логун вывалился первым и замер, уткнувшись мордой в асфальт. Я выскочил следом, сжимая в руках по пистолету. За мной на асфальт выпрыгнула Таня. Открывать огонь первым я не решался, тем не менее, как только увидел ствол «узи», высунувшийся из полуоткрытого окна «Волги», моментально нажал на спуск. Стрельбе по-македонски (то есть из любого положения с двух рук) нас специально обучали на переподготовке комсостава ВДВ, поэтому «узи» гулко шмякнулся об асфальт, а из автомобильного окошка раздался вопль, переходящий в жуткий мат. Приспущенное стекло «Волги» стало покрываться красными затеками. Сидевший рядом водитель судорожно зажимал простреленное плечо.

– Быстро во двор, – скомандовал я Татьяне.

Мы нырнули в спасительные заросли кустарника. И тут за спиной загрохотали автоматные очереди!

– На землю лицом вниз и не шевелись! – почти в рифму приказал я девушке.

Та послушно упала ничком, предусмотрительно откатившись в тень мусорного контейнера. Молодец, соображает! Я поудобнее улегся за цветочной клумбой в ожидании движущихся мишеней, и те не заставили себя ждать.

– Ромыч, он завалил Лысого!

– Так валите его! И девку!

– Он бьет, как в тире!

– У вас же автоматы! Вперед, мудаки!

Рома передернул затвор короткоствольного «кедра», имитируя готовность личным примером повести бойцов в атаку. Однако его вовремя остановили.

– Положь оружие! Стреляю на поражение! – Перед Ромой и его командой вдруг возникли трое в милицейской форме с такими же короткостволками. Это были милиционеры из оцепления.

– Отойдите, мужики... – услышал Рома напряженный голос Логуну. – У нас спецоперация, берем бандитов, не лезьте, не ровен час... Учтите – ваше начальство в курсе...

– Спецоперация? – недоуменно переспросил старший по званию, он узнал Логуна, своего бывшего шефа. – Здесь авария! Люди погибли! Иван Семенович, оттесните их подальше, накладка получается!

– Мотай отсюда, сам вижу. Сейчас мы их додавим...

Они шли, как гитлеровцы в советских кинокартинах пятидесятых годов – с автоматами наперевес и строча от пояса. Что-то в этом было странное, как будто актеры в знакомой пьесе вдруг понесли отсебятину... Надо было спасать шкуры, пошла натуральная война.

– Ромыч, он валит наших! Я под такое дело не подписываюсь... – слезливо причитал двухметровый бугай, зажимая простреленную кисть здоровой рукой.

– Это, по-твоему, спецоперация? Иван Семенович, откуда у тебя эти ухари? – Настырный мент прижался к стене дома, чтобы не попасть на линию огня, но не спешил линять с поля боя – он, кажется, начинал что-то подозревать.

– Иди отсюда, Паша, – заорал бывший начальник милиции, – а то и тебе перепадет... Мы здесь сами разберемся! Займись своим делом!

Правильно оценив обстановку, прапорщик зло сплюнул, дал нужную команду своим бойцам, и вся троица поспешила обратно в оцепление.

...Двое новоявленных «эсэсовцев», схлопотавшие по ногам, неподвижно лежали на асфальте, притворяясь убитыми. Третий, получивший ранение в руку, ретировался за угол дома. Кажется, пришел и наш черед.

– Давай за мной! – Я дернул Таню за руку, и мы в темпе дернули к забору в глубине двора – я знал, что любой забор в жилом квартале является полупроводником – пропустит аборигена и задержит чужака. Протискиваясь вслед за Татьяной в узкую щель, сотворенную юными первопроходцами, я успел услышать команду Логуна:

– Быстро по машинам! Обойдем их с другой стороны... Сами на нас и выскочат!

– А эти... пострадавшие? – с трудом сдерживая дрожь, спросил Рома.

– А чего им станется? Симулянты, мать их так. Пусть пока полежат... Сейчас не до них, делай, что говорю, иначе упустим эту парочку. Ты с ребятами в «УАЗ», я в «БМВ», быстро!

Молодец Логун, он рассуждал логично: если кому надо слить из этого квартала и он не совсем сумасшедший, самое милое дело чесать на проспект Бубнова, к городскому парку культуры, где мы с Таней должны оказаться минут через десять. Именно там нас удобнее всего перехватить. Ну а если нас не будет, придется обшаривать подъезды ближайших домов.

Если мы не сумасшедшие... Только полный идиот не дернет к парку культуры, и уж совсем сумасшедший поперет туда, откуда рвал когти минуту назад. Значит, туда нам и надо – назад, к месту ДТП, в толпу... Честно говоря, возвращаться не было ни малейшего желания – кругом милиция.

Возвращаться назад крайне нелогично, однако десять лет службы в разведке научили меня выходить из гиблых ситуаций, играя как раз на полном отсутствии здравого смысла. Значит – назад, в исходную точку, где толпа и занятые аварией менты...

Ко всему прочему, мне жалко оставлять свой «мерс» в качестве трофея этим ублюдкам. Второго Толя Говор может и не подарить!

– Это ваша машина? – Ко мне шагнул уже примелькавшийся прапорщик милиции, отягощенный бронезиловым.

– Ага, – непринужденно ответил я, запуская в салон Татьяну.

– Документы, – потребовал прапорщик. Вокруг «мерса» начало смыкаться кольцо его коллег. Кажется, получив пинок от участников «спецоперации», они решили все-таки проявить героизм.

– Пожалуйста. – Я протянул техпаспорт и офицерское удостоверение.

– Игорь Васильевич Зимин, гвардии капитан... – бесцветным тоном произнес прапорщик. Немного поколебавшись, вернул документы.

– На пару минут вышли в продуктовый... – кивнул я на соседнее здание, усиленно изображая дурачка. – А тут стрельба какая-то... Что стряслось-то?

– Да ничего, все в порядке... – с трудом скрывая раздражение, ответил прапорщик.

Круто каша заварилась...

– Как сквозь землю провалились! – Рома констатировал этот печальный факт с тайным удовлетворением.

– Да не сквозь землю, – досадливо махнул рукой Логун. Он предчувствовал подобное. – Затаились где-то... Ничего, мы их и из-под земли достанем.

– Надо достать! Очень надо, Иван Семенович! – Голос Кукшина прозвучал для Логуна неожиданно. За время «боевых действий» особист и его охрана находились на разумном расстоянии от места событий, позволив себе приблизиться только сейчас. – Их надо достать в ближайшие сутки, ясно, полковник? И обезвредить надежно, в смысле навсегда, – неожиданно резко и зло бросил особист. – И чтобы с местным УВД все утрясли, без бумажек обошлись...

– Кажется, стреляют... А сейчас вроде смолкли.

– Да, Боря, круто каша заварилась.

– Кто же ее будет расхлебывать, а? Нет, Владимир Михайлович, я считаю, пора двигать главные силы. Смотрите, уже несколько раненых... Если так пойдет и дальше, то скоро будут трупы.

– Не нервничай, Боря. Уверю тебя, насчет раненых тебе показалось. Нет, наше дело пока – наблюдать, а кроме того... Поехали. Светиться не будем, свернем во двор.

Микроавтобус остановился около длинного ряда гаражей.

– Посмотрим, как и что дальше сложится, – подытожил Владимир Михайлович. – А кроме того, похоже, пора выходить на открытый контакт с Зиминим и Степновой. Другого выхода не вижу.

– А стрельба? Что, если их...

– Всякое может быть. Но мне кажется, они живы. Подождем минут двадцать и тронемся к «Чайке», постараемся выяснить, что к чему. Там и сориентируемся.

Митрич и Будулай (Игорь Зимин)

«Мерседес» мчался по загородному шоссе. Мы ехали вдоль небольшого дачного поселка. Небольшие аккуратные домики садоводов, неторопливые прохожие, велосипедисты, ленивые собаки, у некоторых калиток – табуретки, на них букеты цветов, овощи...

– Игорь! – неожиданно окликнула меня Татьяна, по-прежнему сидевшая на заднем сиденье и молчавшая до сего момента. Голос какой-то странный...

– Что? – не оборачиваясь, отозвался я. Видимо, моя фотомодель хотела узнать, куда ее везут. Ничего, придет время – узнает!

– Игорь, я тут... Понимаешь... Я, кажется... – Голос ее вдруг задрожал. По-моему, она боялась чем-то расстроить меня.

– Ну говори, не стесняйся... Если тебе нужно, можем остановиться.

– Да нет, не то... Я ранена.

– Что?! – Я непроизвольно надавил на тормоз, оборачиваясь к ней. – Где? Куда?

– Вот... – она протянула испачканную кровью ладонь, – бок задело...

Вот и планируй что-то с этим детским садом...

Мы заехали в лес, где для меня пришло время практических занятий по полевой медицине. Из хирургических средств у меня имелось безотказное боевое мачете, из обеззараживающих – недопитая бутылка водки.

– Я вначале думала, что поцарапалась, когда в кусты падала... И боль только сейчас почувствовала, – объясняла мне Татьяна тонким голосом.

Впрочем, мне и так все было понятно. Шоковое состояние... Бок у Татьяны в крови, но пуля, похоже, повредила только верхний кожный покров. Слава богу, в автомобильной аптечке оказался бинт.

– Временно перевяжу, – комментировал я свои действия, – но к врачу нужно обязательно. Эх, раньше бы знать...

– А может, не надо к врачу? Перевяжи потуже... Я думаю, само заживет... Мы куда едем-то?

Татьяна храбрилась, хотя куражу явно поубавилось. Само-то заживет, но когда? Без нормальной обработки раны сепсис обеспечен. Значит, надо опять менять планы. И есть только один вариант...

Нас встретил дружный, громогласный собачий лай.

– Нам рады! – прокомментировала ситуацию Татьяна. Несмотря ни на что, баскетболистка не теряла присутствия духа.

– Что за «мерс» там в чистом поле? – Раздавшийся рядом громоподобный бас перекрыл собачий лай.

– Не пугайся, – предупредил я Таню, – это Паша-Будулай. На лицо ужасный, но добряк внутри...

Предупреждение было отнюдь не лишним. Первое впечатление от Павла Игнатьевича Будунчука по прозванию Будулай обычно вызывало легкую дрожь. Во-первых, рост, превышающий два метра. Во-вторых, длинные жилистые руки, на концах которых болтаются огромные кулачищи. Шеи нет, сутулые, но мощные плечи и бочкообразная грудь, и при этом ни грамма жира.

Родом Паша с юга Украины, он смугл и черноволос, отсюда и прозвище. Был до недавнего времени старшиной в моей разведроте.

Пару месяцев назад Пашу комиссовали и очень глупо сделали. Теперь он охраняет дачные участки, взяв в напарники еще одного отставника – капитана медицинской службы Крючкова Юрия Дмитриевича, в просторечии Митрича.

– Никак Игорь?! Родной ротный заехал навестить своего прапора и лепилу¹¹, – оценил ситуацию Паша.

– Приветствую, Паша. А ты все растешь... Митрич на посту?

– Как всегда... Немного принял, но в норме... С девушкой познакомишь?

– Конечно! Таня, это Павел... Внешность нестандартная, но ему я доверяю, как себе, – отрекомендовал я баскетболистке своего бывшего подчиненного. – Паша, это Татьяна Степнова, фамилия тебе должна быть знакома. Выручай, Паша. У нас тут небольшая неприятность...

– Рад знакомству... Не смущайтесь, Танечка. Здесь у нас, конечно, не высший свет, но жить можно! Пойдемте, сейчас я мобилизую Митрича, и все устроится в лучшем виде... – Паша просек ситуацию с одного взгляда. – Митрич! К нам гости, Игорь с дамой! Есть вопросы по твоей части, приводи себя быстро в порядок и давай сюда...

Митрич был не в лучшей форме. После того как от него ушла жена, капитан медицинской службы пристрастился к зеленому змию. Возможно, одно наложилось на другое – восемь месяцев вместе со всей бригадой военврач Крючков не вылезал из Чечни. Груды искромсанного человеческого мяса были повседневной заботой Митрича. А супруга... Она тоже не теряла времени понапрасну. Когда Митрич наконец вернулся, то обнаружил пустую квартиру и записку... Что в ней говорилось, Митрич не рассказывал, но это было понятно и так. Мы с Пашей отлично понимали его состояние. Наши «половины» проделали с нами ту же операцию, только раньше и по-людски. А Митрича это ударило сильнее...

Сегодня он был на ногах, взгляд спокойный и печальный, лишь пальцы рук немного дрожали.

– Добаловались? – Митрич поднял светло-голубые, сейчас явно встревоженные глаза.

– Можешь помочь? – оставив без ответа едкую реплику, спросил я.

– Ты что, дитя малое? И ты, девушка! – Митрич укоризненно посмотрел на Татьяну. – Срочно в больницу! Рана не опасная, но загрязнена, нужно сейчас же обработать по всей форме – промывка, перевязка, противостолбнячный укол... Давайте-ка живо в машину и...

– Подожди, Митрич, – перебил его я. – Тут такая история...

– Слушай, разведка! – В голосе Митрича зазвучал металл. – Какую кашку наварили, такую и будете хлебать. И без разговоров. Это не шутки, ясно вам?

Неожиданно в соседней комнате раздался дикторский голос из включенного Пашей телевизора.

«...И еще одна новость, на сей раз криминальная. Сегодня днем около кинотеатра „Чайка“ жители близлежащих домов слышали многочисленные одиночные выстрелы и автоматные очереди. Есть очевидцы, утверждающие, что видели раненых и даже убитых людей. Однако это полностью опровергается пресс-службой Горуправления внутренних дел. По сообщению, полученному нами только что из милиции, около кинотеатра в Александровском проезде произошло дорожно-транспортное происшествие, а некоторое время спустя около летнего кафе открыли стрельбу неизвестные лица, видимо, в состоянии алкогольного опьянения... На месте происшествия пострадавших не обнаружено. Милиция немедленно объявила операцию „Перехват“, но пока безрезультатно. Ждите наших дальнейших сообщений...»

¹¹ Врач (жарг.).

Вот так! О том, что я обезвредил трех отморожков (надеюсь, не насовсем), сообщать не торопятся. Понимаю – не хотят лишнего шума и внимания. Не нужно им это... Учту. Да, неплохо все схвачено у Логун в местной ментуре!

– Ну что, Игорь Васильевич, наломал дров? – Прищуренные черные глазки Паши немигающе смотрели на меня. Вот змей, сразу вычислил...

...Мне пришлось вкратце, опуская детали, изложить друзьям суть дела. Я попытался представить происшедшее как незначительный огневой контакт с необученной шпаной, хотя связь шпаны с Логуном, а последнего с Кукшиным скрывать не стал.

– Все ясно, – выслушав меня, подвел итог Митрич. – Подробности нас не касаются, и без них видно, что дело темное. Заводи машину, повезем девушку в наш госпиталь.

– А как же...

– Все будет в норме, не бойсь!

Иван Семенович Логун тихо барабанил пальцами по полированной поверхности служебного стола. Последнее время бывший замначгорментуры стал нервным и вспыльчивым. Нет, былые годы службы в органах были куда спокойней – система работала в отлаженном режиме, без сбоев, сыщики и воры играли в старую знакомую игру, каждый знал свой шесток и свой маневр – одни давали, другие брали, существовала негласная такса. Логун брал у одних и давал другим, не оставаясь внакладе. Теперь такса не поймешь какая, вместо уважаемых людей правят бал какие-то отморожки, работа с ними стала нервной и опасной.

– Андрюша, мне срочно нужны данные на Игоря Зими́на. Круг знакомых, родственники и т. д. И как можно быстрее.

– Все-то вам быстрее, Иван Семеныч! Не знаю, как я смогу... – Молодой, вальяжный, одетый в строгий серый костюм собеседник был не особо вдохновлен.

– А бабки мои получать можешь? Шлюх моих трахать? – Логун неожиданно взорвался. – А раскрываемость кто тебе обеспечивал? Лучший сыщик СКМ¹²! Звездочки на погонах не жмут? Где бы ты, придурок, был сейчас? Алкашей бы обирал в вытрезвителе!

– Ива-а-ан Семеныч... – обиженно протянул семипудовый Андрюша. – Я уж и так стараюсь, как могу. Ну и вы тоже – пострелянных возле кинотеатра набросали с самого утра. Свидетелей с таким трудом пришлось уговаривать!

– Уговорил?

– Разумеется. Отыщу я вам дружков этого Зими́на. Ну не сегодня, так завтра...

– Сегодня! Сегодня, Андрюшенька! Все свои делишки забросишь и ноги в руки. И вот еще что. На все известные нам точки, где в принципе могут появиться Зимин или Степнова, поставь засады.

– Где же я людей найду, Иван Семеныч? Я и так все оголил...

– Найди где хочешь. Чтобы сидели насадки у его дружков, с кем он водку пьет, у его баб, – у всех, кого удастся установить, и в бригаде, откуда он в отпуск ушел, и в доме его бывшей жены, под всеми кустами, куда он отливать ходил... Понял?

– Под кустами – понятно, обязательно поставлю, но какой смысл в доме, откуда он утром сквозь ваши ряды прорвался?

Лицо Логуна пошло пятнами.

– Делай что говорят, мудака! Он заранее знает, что твоя прямая извилина тебе подскажет, и сделает наоборот! Сегодня утром бросил у кинотеатра свой «мерс» и дернул к парку, мы за ним, а он, сволочь, вместе с этой девкой вразвалку гуляет назад к своему «мерсу» и

¹² СКМ – служба криминальной милиции.

спрашивает у этого идиота старшины: «А что это тут за шум такой, вы не знаете?» Ну, тот ему объяснил и пожелал приятной поездки... Теперь рапорт на увольнение по собственному пишет. А вот ты, если напортачишь, рапортом не отделаешься, Андрюша...

Митрич и на этот раз сделал все в лучшем виде – с госпитальным начальством договорился, отрекомендовав Татьяну как свою любимую подругу, ее устроили в отдельную палату с телевизором (благо госпиталь был заполнен лишь наполовину) и оформили причину травмы как неосторожное обращение с шампуром для шашлыка. А зарегистрировали Таню на фамилию Митрича, и теперь она стала Татьяной Крючковой. Логун наверняка даст команду обзвонить больницы и госпитали. О ее ранении они не знают – в тот момент она и сама о нем не ведала, однако не исключают такой возможности.

– Полежишь здесь немного... Думаю, дня три-четыре, не больше. Просто для перестраховки. Пока не станет ясно, что заражения нет и рана чистая, поваляйся тут, отоспись, посмотри всякие детективы и сериалы...

– А что дальше? – Девушка старалась держаться как можно спокойнее.

– А дальше... – Я и сам не слишком хорошо это представлял. – А дальше как-нибудь все образуется, – произнес я довольно идиотскую фразу. – Не бери в голову, что-нибудь придумаем.

– Игорь! – Голос ее дрогнул. – Игорь, ты прости меня... Я тебя впутала... Я не хотела, Игорь! Ты хороший мужик, спасибо тебе. Но... Это страшные люди! И очень сильные! Это целая военная мафия... – Ее шепот походил на крик. – У них в руках все, у них везде свои люди. Теперь они будут охотиться на нас...

– Ладно, ты пару-тройку дней отдохни все же. Расслабься, телевизор посмотри. – Я щелкнул пультом. – А я пока разберусь с текущим моментом... Договорились?

Террористка, опять ставшая похожей на фотомоделю, кивнула.

«...генерал-лейтенант Петр Кляров». Прозвучавшая по телящику фамилия заставила нас замолчать и впиться глазами в экран. Знакомая дикторша, красиво играя волнение и озабоченность, продолжала: «Генерал по заданию Министерства обороны находился в Пятой бригаде специального назначения воздушно-десантных войск, дислоцированной в Р-ской области, где проводил инспекторскую проверку. Убийство произошло после полудня, когда Кляров вышел из гарнизонной гостиницы и направился к ожидавшей его автомашине, чтобы проследовать в гарнизон. Судя по пуле, извлеченной из тела, стреляли из снайперской винтовки. Убийца пока не обнаружен...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.